

ВАДИМ АМУРОВ

ИГРЫ БОГОВ

Вадим Амуров

Игры Богов

«Издательские решения»

Амуров В.

Игры Богов / В. Амуров — «Издательские решения»,

Адам Иванов, знатный лентяй, примеривший роль дипломата, направляется в служебную командировку в Душанбе в надежде начать новую жизнь и выйти из главной игры «Мужчина vs Женщина». Однако от себя и былых воспоминаний ему не убежать — слова гадалки вынуждают его возвратиться в прежнюю игру, которая давно идёт на счёт. Кто выиграет, а кто проиграет? — от конечного счёта зависит жизнь главного героя...

© Амуров В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Игры Богов

Вадим Амуров

Посвящается всем женщинам

© Вадим Амуров, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Таджикистан, Душанбе, первое десятилетие XXI века

Открыв глаза, Адам Иванов улыбнулся всплывшей в сознании картинке: прошлым вечером он умножил на калькуляторе триста шестьдесят пять дней на количество своих прожитых лет и получил девять тысяч четыреста девяносто дней. Если бы ему исполнилось столько годов, он стал бы, наверное, самым бессмертным из бессмертных героев популярного американского сериала «Горец», некогда крутившегося по российским телеканалам.

Он лежал на диван-кровати, лениво позёвывая и вяло растягивая мышцы рук и ног. Лучи декабрьского душанбинского солнца пробивались через окно на кухне, которая соединялась без всякой перегородки со спальней. Второе окно рядом с кроватью было закрыто салатовыми шторами, создававшими уют спальни комнаты.

Больше всего ему не хотелось идти на работу, и выходных он ждал с нетерпением, как глоток свежего воздуха. «Неужели опять новый поток заявлений придётся сегодня рассматривать? Когда это всё закончится?» – спрашивал он себя всякий раз, когда по утрам просыпался под настойчивые сигналы ненавистного будильника. Тем не менее реальность не полностью окрашивала в серый цвет его бытие, оставляя место и для светлого, – хотя бы потому, что он работал ни где-нибудь, а в посольстве, и ни кем-нибудь, а дипломатом, и обитель его располагалась в двух минутах ходьбы от рабочего места, на территории российского посольства.

Адам обычно вставал за пятнадцать минут до начала рабочего дня. За столь короткое время он успевал и сходить в туалет, и умыться, и почистить зубы, и полюбоваться в зеркало на своё отражение, чтобы лишний раз убедиться в том, что это именно он – Адам Иванов – а не кто-то другой и что его тело, стройное и мускулистое, пока ещё не покрылось жировыми складками, которые характерны для тех людей, кто днями напролёт сидит в офисе и не уделяет никакого внимания занятиям спортом.

Он не завтракал: по утрам, когда организм пробуждался ото сна, всё естество сопротивлялось приёму пищи. Лишь выпивал стакан обычной воды, которую покупал в пластмассовых бутылках в супермаркетах Душанбе.

Адам наспех умылся, почистил зубы, подушился, пару раз легонько похлопал себя по щекам. Оделся. На всё про всё ушло не более десяти минут.

Огляделся вокруг и, убедившись в том, что свет везде погашен, поторопился на работу, мысленно воздавая хвалу Господу за то, что он родился мужчиной и, стало быть, не озабочен вопросами относительно внешнего вида. Никаких губных помад, маникюров, педикюров и прочих гламурных штучек, занимающих уйму времени. Всё-таки комфортно быть мужчиной с этой точки зрения.

Глава 2

Три месяца тому назад

Адам летел в самолёте, размышляя над высказываниями одного сокурсника по первой учебной скамье относительно того, что Таджикистан – это средневековое государство, где пасут овец, где вместо города – поросшая травой и бурьяном деревня, а местные жители с грязными, неумытыми лицами носят обтрёпанные халаты и варят плов в огромных казанах на тропках, пропитанных разрухой и нищетой.

Двумя часами ранее Адам пребывал в аэропорту «Домодедово» и пил двойной «Эспрессо», который не бодрил его, а, скорее, наоборот, расслаблял и помогал впасть в лёгкое забытие, однако именно в тот момент он старался не терять контроля над собой и следить за регистрацией пассажиров. Накануне он был весь в напряжении, активно собирал чемоданы и даже успел попрощаться с парочкой друзей.

У стойки регистрации на рейс «Москва-Душанбе» выстроилась очередь в два длинных неровных ряда, образуя шумное столпотворение таджикских гастарбайтеров, томившихся с усталыми лицами в ожидании того, когда же, наконец, они пройдут таможенный пост и окажутся в самолёте. У каждой пары ног лежало минимум по огромному, местами исполосованному, словно от лезвия ножа, и запачканному сухой, намертво въевшейся в грубую ткань грязи, баулу. Среди суматохи, которая по обыкновению заполняет пространство крупных аэровокзалов, Адам заметил смуглого мужчину, спешившего к толпе. Тот с трудом волочил большую дорожную сумку. За ним еле-еле плелись два не менее смуглых худых мальчика, по всей вероятности, сыновья, согнувшиеся под тяжестью спортивных сумок, не уступавших по размеру отцовской. «Неужели улицы Душанбе наводнены этими работягами?» – с грустью подумал Адам.

Имея статус российского дипломата, он получил разрешение пройти через контрольно-пропускной пункт без очереди. Он сунул зелёный паспорт в окошко регистрации. Молодой пограничник, сверившись с фотографией и убедившись по компьютерной базе данных в том, что Адам не числится ни в каких чёрных списках, препятствующих выезду, шлёпнул печатью по чистому листу документа и возвратил его владельцу, пожелав счастливого пути на прощание.

Завершив регистрацию, Адам подвергся не особо приятной процедуре личного досмотра. Он снял пиджак, ремень, ботинки, вытащил из карманов все железные предметы и положил их на переносную тележку. На какой-то миг он представил себя в роли отъявленного рецидивиста-контрабандиста. Он шмыгнул через контрольный турникет – никаких подозрительных писков тот не издал. Но всё же строгая дамочка, таможенный инспектор, принялась металлоискателем обыскивать его: сначала прошлась по рукавам сорочки, затем, обдавая дыханием, быстренько пробежалась вдоль спины и живота, задержалась на некоторое мгновение у бёдер и в завершение плавным движением прогладила брюки.

Адам чувствовал, что где-то глубоко внутри у него накопилось напряжение, готовое вырваться в любую секунду, и оно вырвалось:

– Может, мне трусы снять, чтоб вы могли удостовериться в том, что я не террорист? – В словах прозвучал протест против произвольного личного досмотра без достаточных на то оснований.

Действительно, он же дипломат, который направляется в Таджикистан представлять интересы российского государства, а не международный преступник. На профессию террориста Адам не обучался и никогда бы не стал умышленно лишать себя и других людей жизни, ибо

осознавал, что прямиком угодит в ад, где вместо прислуживающих гурий и вечнозелёных садов его будет поджидать суровая кара. Как говорится: да воздаст Всевышний человеку по делам его земным.

– Проверка устраивается для вашего же блага и безопасности, – прокудахтала начальница поста.

Адам был не в восторге от строгих формальностей, но ругаться с инспекторами не собирався, потому что знал: не они придумали границы и установили таможенные правила, которым должны следовать обычные люди.

Спустя пару минут он вовсе сожалел о том, что не сумел силой воли сдержать эмоции. Правильно делают, что тщательно проверяют. Он не горел желанием раньше времени очутиться на том свете из-за безумных действий камикадзе, пропущенного на борт по чьей-либо должностной халатности.

Он не спеша завязал шнурки начищенных до блеска остроносых ботинок, застегнул фирменный ремень – подарок друга, надел пиджак и, расправив плечи, пошагал вдоль сверкающих стеклянных витрин магазинов *Duty Free*, где в большом количестве продавалось спиртное, сигареты, парфюмерия и сувениры.

Бутылка французского коньяка явилась как раз кстати. Он обязательно раскупорит её по приезде в Душанбе и отметит новую должность с начальником и командой, частью которой вскоре станет. Он достал новенькое портмоне, приятно пахнущее не то змеиной, не то крокодильей кожей, и извлёк оттуда несколько рублёвых купюр, настолько гладких и чистых, словно те вышли прямо из-под печатного станка. Подступил к кассе.

Продавщица одарила его замечательной улыбкой и поинтересовалась:

– Ещё что-нибудь?

– Нет, только коньяк.

Адам поймал себя на том, что волосы у неё необычайно красивые: мягкими волнами ниспадающие на плечи, шелковистые, цвета фундука – его любимого орешка.

– Как работаете? – поинтересовался Адам, глядя ей в голубые глаза.

Девушка хихикнула и взяла у него деньги.

– Нормально. Как видите, работаем. А вы куда летите?

– В Душанбе.

– По работе?

– Да, в командировку.

Она отсчитала ему сдачу.

Пальцы у неё были нежные, тонкие, без накладных ногтей и колец. Внезапно его посетила шальная мысль взять эту милую девушку с собой. Всё равно он один, без семьи, а она стала бы ему верной спутницей.

– Не хотели бы изменить свою жизнь? – Вопрос явился как солнечный луч в царство повседневной тьмы рутины.

– Я? – Она робко пожала плечами и мило улыбнулась. – Даже не задумывалась об этом. А почему вы спрашиваете?

– Да так, интересно узнать ваше мнение. – Адам тёр переносицу указательным пальцем, словно заслоняя себя от её вопросительного взгляда, который в данную минуту с любопытством изучал его. – Удачи вам, – сказал он и прислонил руку к груди, вложив в этот несложный жест всё уважение к ней.

– И вам счастливого пути, – тепло ответила она.

Романтическая мысль так и не воплотилась на деле: Адам был увлечён другой девушкой, облик которой мелькнул яркой вспышкой у него в памяти.

В салоне самолёта становилось душновато. Адам ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Он хотел спать, чувствуя во всём теле накопившуюся за целые сутки усталость, но погрузиться в полноценный сон ему мешали то разговоры соседних пассажиров, то хождение взад-вперёд стюардесс в голубых униформах, предлагавших леденцы с минеральной водой, то его длинные ноги, которые упирались в переднее кресло и находились оттого в ноющем напряжении.

Рядом сидели два таджикских парня – обычные работяги в недорогих спортивных костюмах. Они выглядели очень уставшими.

Облачённый в деловой костюм, Адам, единственный и неповторимый, резко отличался от остальных пассажиров, на которых была простая, невзрачная одежда, отчего он чувствовал себя не в своей тарелке. Аромат парфюма от *Hugo Boss*, разлетавшийся от него, казался не таким приятным, как днём – когда он только подушился, потому что смешивался с запахом пота, исходившим от изнурённых бесконечно-тяжёлой работой гастарбайтеров.

Вскоре появилась стюардесса; у неё были потрясающие, в меру натренированные, загорелые ноги, длинные и стройные, которым позавидовала бы сама Наоми Кэмпбелл. Она с трудом двигала впереди себя большую тележку на колёсиках, на которой лежали вакуумные корбочки с едой. Адаму не хотелось ужинать, и, когда девушка стала протягивать ему кушанье, он отрицательно покачал головой, одновременно поблагодарив её за проявленную заботу.

Зато два соседа охотно набросились на еду. Похоже, они с утра не держали крошки во рту и были голодны как волки.

– Приятного аппетита, – деликатно пожелал им Адам.

– Спасибо, – ответили они хором.

Меню не поражало богатством, но казалось вполне приемлемым для воздушных полётов. Оно состояло из пары салатных листьев, помидора размером в теннисный настольный шарик, варёного риса с курицей, растворимого супчика, кусочка масла, джема в малюсеньком брикете и пакетика чёрного чая.

– Молодой человек, может, вам воды принести? – спросила стюардесса, разносившая еду.

– Да, пожалуй. Если можно – без газа, – ответил Адам.

– Конечно, – улыбнулась она, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

Миловидная девушка. Странно, что она беспокоится о незнакомом пассажире; в нынешнее время человек с головой уходит в решение собственных проблем, и заботы, переживания о других людях в его уме так же далеки, как Россия далека от Соединённых Штатов Америки. Но что здесь странного? – она с блеском выполняет возложенную на неё задачу, как можно вежливее обращаясь с клиентами.

– Вкусно? – невзначай спросил Адам у соседа, который доедал бутерброд с джемом.

– Сойдёт. Мы непритворны. Кушать хочется, – сказал он с явным таджикским акцентом.

Стюардесса принесла бутылку объёмом 0,5 литра. В слабом тёмно-желтоватом свете, струящемся из диффузора, вода показалась Адаму ржавой. Поблагодарив девушку, он взял у неё бутылку и поднёс её ближе к глазам: цвет ржавчины бесследно исчез – то был всего лишь мираж.

– В Москве работаете? – снова поинтересовался Адам у соседа. Тот, присосавшись губами к пластмассовому стаканчику, попил чай.

Оторвавшись от стаканчика, сосед ответил надтреснутым голосом:

– Да, на стройке.

Адам понимающе кивнул, раскупорил бутылку и сделал глоток.

– В Таджикистане работы нет, – как бы оправдываясь, повествовал рабочий. – У нас на родине с этим плохо, а семью надо кормить.

– Понимаю. А ты женат?

– Уже два года.

– Дети есть?
– Два мальчика.
– Сколько тебе лет?
– Двадцать четыре, – вздохнул чернорабочий, которому можно было дать все сорок четыре.

– Тяжело приходится?
– Да. – Таджик беспомощно развёл руками, в одной из которых торчал уже опустевший стаканчик. – Такова жизнь. То, что я зарабатываю в Москве, почти всё отправляю жене и родителям. На эти деньги можно хорошо жить в Таджикистане.

– Платят исправно?
– Да. – Он махнул головой в сторону своего приятеля, занимавшего место у прохода; тот зубочисткой лениво ковырял в зубах. – Мы с Джемшедом не жалуемся. Но у наших знакомых постоянно случаются проблемы с зарплатой, им вовремя не выплачивают её.

Адам уловил сторонний взгляд, исходивший от старухи, которая сидела в одном ряду через проход, у иллюминатора. Сначала он не придавал значения её взгляду, полагая, что она рассматривает пассажиров без особого интереса, как делают это практически все люди, оказавшиеся в тесном пространстве самолёта. Но чем дольше он разговаривал с соседом, переглядываясь с ним, тем больше укоренялся в мысли о том, что глаза её сверлят именно его.

Он старался больше не обращать на неё внимания и продолжил беседу с соседом. Оказалось, что тот по образованию юрист и совсем не глуп, как вначале показалось Адаму. Они обсуждали проблемы мировой экономики и спорта, и таджик проявил себя интересным собеседником. Но судьба-злодейка странным образом распорядилась с ним, сделав его не белым воротничком, а обычным иностранным чернорабочим, вынужденным влачить жалкое существование.

Было около шести утра, когда в микрофон заговорил мелодичный женский голос. На таджикском, затем на русском, а после на английском языке объявили, что через полчаса самолёт приземлится в Душанбе, и в довершение тот же мелодичный голос любезно попросил пассажиров не расстёгивать ремни безопасности до окончательной посадки и оставаться на местах.

Крылатое чудовище стало плавно снижаться, и Адам после часового дрёма посмотрел в иллюминатор. Внизу тянулись песчаные барханы, которым, казалось, не было конца. Меж золотистых холмов на фоне утренних лучей поднимающегося из-за горизонта солнца он различил тонкую двигавшуюся полосу, похожую на змею. Не тронутый человеком островок природы навеивал мысль о том, что мир не сошёл с ума окончательно в погоне за новыми разработками и технологиями.

Сильно хотелось пить. Адам отвернул крышку бутылки и жадно допил её содержимое.

Он огляделся по сторонам. Пассажиры пробуждались ото сна, снова начала слышаться таджикская речь. Он посмотрел на старуху. Прислонившись головой к иллюминатору, она с закрытыми глазами сидела неподвижно.

– Как спалось? – спросил Адам у соседа.

– Плохо. Здесь нормально не отдохнёшь.

Самолёт выпустил шасси и шёл на посадку. Некоторые пассажиры засуетились, нетерпеливо вставая и вытаскивая багаж с верхних полок, словно спёртый воздух узилища, которое на несколько часов полёта стало для них кровом, выталкивал их наружу.

Когда колёса шасси коснулись посадочной полосы, самолёт содрогнулся от резкого толчка. Адам ощутил, будто его подбросили кверху. На какое-то мгновение у него сдавило дыхание. Он кинул взгляд на старуху – та смотрела в иллюминатор.

На прощанье Адам протянул руку соседу, с которым за время поездки успел подружиться, и отметил, что ладонь у него мозолистая. Чувствовалось, что мозоли, шершавые и загрубевшие, таджик заработал в условиях суровой жизни. Может, всё наладится в его жизни: он откроет маленькое предприятие и будет работать на себя, сделав помощниками своих детей.

Адам ступил на трап и стал спускаться.

Воздух здесь отличался от московского: тёплый, чистый, горный, напоенный благоуханием фруктовых деревьев. Небо же было прозрачно-голубым, будто над взлётно-посадочной полосой вознесли шатёр, защищавший его от туч и облаков.

Едва он успел всей грудью вобрать в себя дурманящий, пленительный аромат, словно переносящий его в иноземный мир, как что-то лёгкое, словно пушинка, коснулось его запястья и заставило обернуться в тот момент, когда он спустился по трапу на землю. Перед ним стояла знакомая старуха, одетая в чёрное платье, похожее на церковную рясу.

– Что вы хотите? – спросил Адам.

– Я долго изучала твоё лицо. Ты хороший человек, но тебя ждут тяжёлые испытания. На свете есть девушка, которая тебя полюбит, но берегись лукавой, которая тебя погубит. Всё в твоих руках. Сделаешь ошибку – попадёшь в ад и тебе никто не поможет, – прошипела она, еле шевеля бесцветными иссохшими губами.

Адаму стало не по себе. Он не желал оказаться в аду, равно как не желал больше выслушивать исполненный мрачных красок монолог старухи.

– Не слушай её. Это мэстная гадалка, – предупредил проходивший мимо мужчина.

– Помни мои слова, сынок, – изрекла старуха и двинулась в направлении пассажирского автобуса, с трудом передвигая ноги по асфальту.

Зачем она ему всё это наговорила, даже не взяв монеты? Из-за того, что он хороший человек? Но такими же хорошими наверняка являлись летевшие с ним соседи и другие пассажиры. Почему бы ей не сказать им то же самое? Почему он? Может, выжившая из ума старуха в молодости кого-то погубила, а теперь раскаивается и хочет изгладить свою вину, предупреждая таких молодых ребят, как Адам?

Глава 3

Местный аэропорт кишел многочисленными пассажирами, говорившими на русском и таджикском языках. Он занимал гораздо меньшую площадь в отличие от «Домодедово», однако соответствовал необходимым требованиям, которые могли предъявить обычные и взыскательные клиенты. Для последней категории функционировал Vip-зал, где можно было расположиться в удобных креслах, выпить чашечку кофе или чая и почитать газету.

У контрольно-пропускного пункта Адама ожидал консул российского посольства, его непосредственный начальник. На вид мужчине было около пятидесяти лет. Коротышка, тучный, с круглым добрым лицом и массивной шеей, он был чем-то похож на Винни-Пуха. «Я с ним сработаюсь», – радостно подумал Адам, стараясь больше не думать о мрачной старухе.

Адам предъявил дипломатический паспорт, и его пропустили без очереди.

Консул сразу же узнал его.

– Вас зовут Адам Иванов? – для проформы спросил он тёмно-русого парня ростом за метр восемьдесят, заметно выделявшегося среди толпы прибывших.

– Да, а вы Николай Тарасович?

Консул согласно кивнул, и они пожали друг другу руки.

– У вас много багажа?

– Вот этот саквояж, – Адам указал кивком на правую руку, обременённую небольшой кожаной сумкой, где хранились личные документы, – и ещё две коробки.

Спустя полчаса он заметил на движущейся дорожке знакомые коробки, туго перевязанные нейлоновыми верёвками, подхватил их и положил на тележки.

Снаружи наперебой гудели голоса таксистов, жаждущих доставить клиента в любой конец города, а если будет необходимо, то и за город – лишь бы были деньги.

– Эй, бача¹, подвезу недорого!

– Всего двадцать сомони за такси!

– Тебе куда, уважаемый?!

«Прямо как на рынке. Огромная конкуренция среди таксистов. Только вместо фруктов и овощей они предлагают услуги по перевозке людей», – подумал Адам.

– Двадцать сомони, – иронично усмехнулся консул. – Это слишком дорого. Различили в тебе иностранца, подумали, что ничего здесь не знаешь, и начали задирать цены.

– А сколько они обычно берут?

– Сомони восемь-десять, чтобы доехать до другого конца города.

Толкая тележки перед собой, они прошли по асфальтовой дорожке, обсаженной раскидистыми деревьями с толстыми стволами, и вскоре очутились у стоянки, где тянулся длинный ряд автомобилей.

– Милый городок, – заметил Адам, пока Николай Тарасович помогал ему загружать коробки в багажник служебной «Тойоты Короллы».

– Да, город небольшой и уютный.

– И, наверное, без суеты?

– И без суеты, – кивнул Николай Тарасович.

Они сели в автомобиль и выехали на улицу *Аэропорт*, тянувшуюся вдоль вырастающих фасадов жилых пятиэтажек хрущёвского типа.

Первоначальные размышления о городе бесследно растворялись в голове Адама по мере приближения к центру столицы.

¹ Парень (перс.).

Душанбе впечатлял чистотой и убранством. Зелёный городок. Ухоженные магазинчики, рестораны, кафе-бары, строящиеся деловые центры представляли его взору. Иногда встречались люди в среднеазиатских халатах, но в основном по улицам передвигались по-европейски одетые человечки с портфелями в руке и папками под мышкой.

Приближаясь к светофору, консул начал притормаживать. Машина остановилась у оживлённого перекрёстка. Через «зебру» стали переходить люди. Среди них Адам выхватил взглядом двух смуглых мальчиков в выглаженных чёрных брючках и белых рубашках с коротким рукавом и с портфелями на плечах.

Консул свернул налево, и Адам увидел на углу улицы коммерческий банк, о существовании которого можно было догадаться, посмотрев на стенд, соседствовавший со старинным зданием и информировавший о курсе национальной и иностранной валюты.

Некоторое время они ехали молча. Адам бросал взгляд то налево, то направо, пытаясь обозреть проплывающие, как в быстром кадре кинофильма, картинки города. Но увидеть что-то особенное он так и не сумел. Словно догадываясь о его размышлениях, консул первым нарушил молчание:

– Душанбе строился в эпоху Сталина, а затем Хрущёва, поэтому ты не увидишь здесь восточных сооружений. Другое дело – Бухара или Ташкент: там настоящие шедевры восточной мысли, от мечетей до дворцов.

– А небоскребов здесь случайно нет? – поинтересовался Адам, прекрасно зная, что никаких небоскребов в Душанбе не существует, – в вопросе, однако, не содержалось намёка на иронию.

– Нет. Это тебе не Токио.

– Долго ещё до посольства?

– Минут десять. В общей сложности, чтобы добраться от аэропорта до посольства, требуется минут пятнадцать-двадцать. Если на дорогах образуются пробки – то минут тридцать.

– Здесь есть пробки? – удивился Адам.

Они ехали по площади *Айни*, названной в честь знаменитого таджикского писателя. Мимо проплыл Национальный музей, трёхэтажное отреставрированное здание бежевого цвета с колоннами, выполненными в стиле мечети.

– А как же? – вопросом на вопрос ответил консул. – Утром случаются заторы, не такие как в Москве, но затрудняют движение.

Несметное количество дорогих иномарок – «Тойот», «Лексусов» и «Туарегов», рассклавших по дорогам Душанбе, – стало для Адама таким же неожиданным явлением, как если бы ему попался на глаза расхаживающий по улице голый человек.

По встречной полосе промчался белоснежный джип «Лэнд Крузер». Адам успел различить в нём грубый силуэт толстого мужчины с чёрной как смоль копной волос. У левого уха тот держал мобильный телефон и что-то говорил в него.

– Вижу много иномарок. Думал, что Таджикистан – бедное государство, но судя по дорогим машинам этого не скажешь.

Николай Тарасович усмехнулся:

– Государство на самом деле небогатое. Иномарок много, да. Тут развит теневой сектор экономики. Рядом Афганистан, из которого наркота горными тропами переправляется сюда. Отдельные семейные кланы делают бизнес на наркоторговле.

– Перед приездом в Душанбе начитался всяких министерских справок. Что в них там только не написано, аж глаза разбегаются. В одной из них говорилось, что в Афганистане издали указ о ликвидации мака.

Консул ухмыльнулся:

– Там нет никакой промышленности, люди выживают путём производства наркотиков и их продажи. Они ещё в больших объёмах будут выращивать мак.

– Наверное, этот указ – хитрый политический ход афганского лидера, чтобы как-то выделиться в глазах мировой общественности. Документ вряд ли обладает какой-либо обязательной силой: если бы он реализовался, лидер не засиделся бы долго на своём кресле.

Они проехали через широкий мост, под которым мощным потоком бурлила речка, рябившаяся гребешками, которые блестели на солнце как серебро, и вскоре остановились на красный свет у перекрёстка. Перед ними красовался массивный зад «Хаммера H2». «Американец» производил впечатление огромного чудовища на колёсах.

– Тут обычное дело – наркотики. – Консул поправил кончиком указательного пальца оправу затемнённых очков, скрывавших его глаза. – Большая часть иномарок покупается на деньги, вырученные от афганской гадости.

– Разве никто не борется с наркодилерами? – Адам слегка прикусил язык и усмехнулся наивному вопросу, выпорхнувшему из его уст.

– Может, борется, может, нет. – Николай Тарасович сделал паузу и, тяжело вздохнув, продолжил: – Одно хочу сказать: всех всё устраивает. Есть люди, которые производят наркотики; есть, которые покупают их и продают; есть, которые потребляют. Есть полицейские, которые сажают наркодилеров за решетку, а есть те, кто их освобождает. Бизнесмены дают взятки, подкупные чиновники берут их. Всё просто. Это постоянно вращающееся колесо, которое будет в движении, пока... – Консул внезапно оборвал фразу, нарочно или нет – этого Адам не мог знать. Николай Тарасович лишь озабоченно pokrutil головой.

Они вновь остановились у перекрёстка, оказавшегося на этот раз круговым. На соответствующем дорожном знаке были запечатлены изогнутые стрелки, которые образовывали круг.

– Тут расположена знаменитая на весь город площадь смеха и слёз. – Николай Тарасович побарабанил пальцами по боковому стеклу; перед Адамом предстало здание, очень похожее на летающую тарелку, с надписью: *Цирк*. – По ту сторону находится цирк, где смеются люди, а рядышком – суд и прокуратура, где без слёз никак не обойтись.

Они проехали мимо «Агроинвестбанка» и торгового супермаркета – современных зданий из стекла и бетона – и повернули направо. В глаза Адаму сразу же бросился высотный дом, жилое строение, выкрашенное в цвет морской волны.

– Его называют домом в армянском стиле, – прокомментировал консул. – Не знаю, правда это или нет, но говорят, что в Ереване таких домов множество.

Автомобиль плавно проехал ещё один мост; под ним текла речка, менее шумная по сравнению с первой, похоже рукавом ответвлявшаяся от главного русла.

– Подъезжаем. А это медицинский институт Абу Али ибн Сино, известный когда-то на весь Советский Союз.

Адам различил полуразрушенные ступеньки, сквозь трещины которых кое-где пробивалась жёлтыми сухими клочьями трава. Ступеньки вели к старому зданию с облупившейся краской, требовавшему срочного капитального ремонта. У знавшего лучшие времена фасада строения образовалось небольшое кольцо в шесть-семь дискутировавших между собой молодых людей: парней и девушек. На парочке из них белели медицинские халаты, все остальные были одеты кто как: девушки – в платья на кокетке, парни – в джинсы и футболки.

– Студенты ничем не отличаются от наших.

– А чем они должны отличаться? – вопросом парировал Николай Тарасович. – Студенты – они и на Северном полюсе студенты.

Вскоре Адам и консул очутились у высокого бетонного забора, который тянулся по всему периметру довольно большой территории. Внутри возвышалось жилое многоэтажное здание с красной черепичной крышей.

– Вон памятник в честь Сино. – Консул ткнул мясистым пальцем в лобовое стекло.

Впереди, в двухстах метрах, Адам увидел очередной круговой перекрёсток с оживлённым движением. Рядом на постаменте, высеченном то ли из гранита, то ли из какого дру-

гого минерала, устремлялся вверх бронзовый монумент в виде человека, который точно являл собой воплощение восточной мудрости. Облачённый в чалму и халат, Абу Али ибн Сино обеими руками бережно прижимал к груди книгу – источник духовной силы и знаний, лицо его было вдумчивым: он будто размышлял о будущем всего человечества, а густая борода добавляла ему мудрости.

Николай Тарасович включил левый поворотник и, пропустив встречный «Лексус», начал поворачивать в сторону высоких железных ворот, которые в следующую секунду стали медленно, кряхтя, с тяжёлым грохотом, который заглушал шум автомобильного потока, раздвигаться. «Тойота» въехала на территорию российского посольства, где Адама ждала новая жизнь и где старой должен был настать неминуемый конец – ведь он бежал от неё, бежал без оглядки от былых воспоминаний, отягощавших его сердце.

Глава 4

Новое место жительства ничем особенным не поражало – обычная малюсенькая прихожая с тумбочкой и встроенным в стену шкафом. Из прихожей Адам вошёл в комнату, сообщавшуюся одновременно с кухней, оставил багаж у дивана и бессильно плюхнулся на него, сняв галстук с пиджаком и небрежно положив их на соседний стул. Он прикрыл слипавшиеся от усталости глаза. Когда очнулся, было шесть вечера – он проспал добрых девять часов. От удивления присвистнул – он не собирался столько спать. Адам пожелал, чтобы сны у него всегда были длинные и крепкие: последние три или четыре года он постоянно мучился – либо засыпал под утро, либо часа в два ночи входил в непонятное состояние полусна, а наутро поднимался с тяжёлой, затуманенной головой, которая настойчиво просилась обратно на подушку. Остаток дня он провёл на территории посольства в компании Алексея, дипломата, на замену которого приехал.

На следующее утро, в субботу, его ожидала поездка на Нурекское водохранилище, располагавшееся за несколько десятков километров от Душанбе, где можно было, по рассказам консула, великолепно отдохнуть. Таджикистан открывался для него новой, увлекательной вехой в жизни, неизвестными ранее событиями.

Разбудил Адама звонок, раздавшийся по внутреннему телефону. Звонил Алексей, который сообщил, что все собрались и ждут лишь его одного.

Часы показывали пол-одиннадцатого утра.

Не успев толком освоиться на новом месте и разобрать коробки с вещами, Адам ослепшим взглядом порывлся в одной из них в поисках шлёпанцев, шорт и футболки. Отыскав вещи, он второпях оделся, ополоснул лицо холодной водой и, захлопнув за собой входную дверь, быстрым шагом направился к лестнице.

Выйдя на залитую солнцем улицу, Адам почувствовал, словно его, как старого друга, заключили в горячие объятия и не захотели отпускать. Воздух был наполнен таким же фруктовым ароматом, как и в первый день его прибытия в эту страну, а небо обещало оставаться невероятно голубым весь день без единого намёка на облачко.

Его взгляду предстали одетые, подобно ему, в шорты и футболки шестеро человек: Алексей и Виктор – холостяки, с короткой биографией которых он ознакомился в Москве до приезда сюда, двое мужчин и две женщины – супружеские пары, по-видимому.

– Здравствуйте! – сказал Адам всем собравшимся.

В ответ он услышал то же самое. Все знали, что он новый сотрудник, поэтому каких-то особых знаков внимания к собственной персоне он не заметил. Людям, которые предстали перед ним, было всё равно – кто он и что он, они, видимо, находились уже мыслями на отдыхе.

Лица Алексея и Виктора были покрыты многодневной щетиной, что придавало их облику оттенок неряшливости. Двое других: Вячеслав Дмитриевич, крепкого телосложения, с лысой головой, похожей на грецкий орех, который отвечал за безопасность посольства, и Сулейман, довольно упитанный, но нетолстый, с приятным интеллигентным лицом, оказавшийся третьим секретарём посольства², выглядели ухоженными, что характерно для семейных мужчин среднего достатка.

Они отправились на двух легковых «Тойотах». Алексей управлял автомобилем, рядом сидел Виктор, а Адам – на заднем сидении. Первыми из посольства выехали супружеские пары, Алексей последовал за ними. Адаму казалось, что они передвигаются важно – гордо выпятив грудь, точно петухи, если такая метафора подходила к машинам с красными дипломатическими номерами. Вслед за ними устремлялись любопытные взгляды местных мальчишек.

² Дипломатическая должность.

Через некоторое время Алексей остановил автомобиль на окраине города, у затхлой пятиэтажки, первый этаж которой занимал под скособоченным металлическим навесом продуктовый магазинчик с нарисованными фруктами и овощами на окнах. Он спросил у Адама, не надо ли ему чего взять и, получив от него ответ «спасибо, ничего не нужно», вместе с Виктором зашагал к магазину. Вскоре они появились с двумя полуторалитровыми бутылками минералки, Алексей на ходу раскупорил свою и сделал глоток. Затем они сели в машину и отправились дальше в путь.

Адам не успел ни с кем как следует познакомиться. Он знал лишь то, что с ним в машине едут два холостяка и что один из них, Алексей, собирается уезжать в российскую столицу после года пребывания в Душанбе.

– Как тебе работалось в посольстве? – поинтересовался Адам, когда они выезжали за пределы города.

Впереди открывался манящий горно-скалистый пейзаж.

Адаму было интересно, какого плана работу он будет выполнять; в целом он имел представление о ней, но ему важно было знать детали.

– Как работалось мне? – усмехнувшись, произнёс Алексей, который крепко вцепился в руль и полностью сконцентрировался на дороге.

Скорость была приличной: стрелка спидометра пересекла отметку за сто километров в час.

Прошло около полминуты, прежде чем Алексей уклончиво ответил на вопрос с налётом таинственности в голосе:

– Ты скоро сам всё узнаешь. Сегодня суббота, до моего отъезда осталось четыре дня, в понедельник и вторник я тебе покажу, что и как делать, а ты запоминай, можешь взять блокнот и делать в нём заметки.

В машине окна были открыты, и в салон проникал горячий ветер, трепавший волосы ребят. Они обогнали машину своих коллег и первыми приблизились к пункту назначения.

Они выбрались из автомобиля и ступили на землю, твёрдую как камень. Казалось, небо и солнце улыбались им. Тропинка, поросшая вокруг порыжевшими от солнца кустарниками и бурьяном, тут же обожгла ступни Адама, когда он, сняв шлёпанцы, пошагал босиком в направлении двух одноэтажных деревянных домиков для отдыха, стоявших по соседству друг с другом.

Вскоре подъехали супружеские пары. Кроме Адама, это удивительное, затерявшееся вдалеке от цивилизации место, окружённое горами и охлаждаемое родниковым прозрачно-голубым озером, все приезжие посещали не раз. Из багажников Адам помог достать большую кастрюлю, в которой (он успел открыть крышку и заглянуть внутрь) с прошлого вечера был замаринован шашлык из баранины, овощные салаты, разложенные по глубоким тарелкам и сверху прикрытые пищевой фольгой, колбасы, сыр, коробки с соком, связку дров и шампура.

Озеро на первый взгляд казалось небольшим, обманчиво узким, которое, по предположению Адама, можно было проплыть всего за десять-пятнадцать минут. А почему бы не проплыть? – всерьёз подумал он, с пяти лет занимавшийся плаванием, и, решив, что накрытый стол подождёт, подступил к краю берега. Он никогда не нырял рыбкой, не разведав, что скрывается под водой. Неприятный случай, произошедший много лет назад, ожил в памяти: один из отдыхавших в Крыму матросов прямо на его глазах разбежался и прыгнул вниз головой в море, после чего вынырнул с окровавленным лбом. Он поранился об огромный камень, затаившийся под водой. Матросу крупно повезло: он не сломал себе шейных позвонков и остался жив.

Озеро было настолько чистым и прозрачным, что Адам сумел без труда различить илистое дно, где не прятались ни камни, ни другие препятствия, которые могли бы помешать нырку. Он не стал разбегаться, а вытянул перед собой руки и смело прыгнул рыбкой, на мгно-

вание оглушив всплеском воды округу, которая, казалось, погрузилась в вечный сон, нарушаемый изредка, если не считать присутствия человека, звуками горных птиц и шумом листвы.

Вода была прохладной, но вполне терпимой. Адам решил плыть во всю силу, в полной мере задействовав руки и ноги, чтобы разогреть мышцы.

Поначалу он действительно активно работал руками и ногами, думая, что вот-вот достигнет другого конца берега, вдоль которого тянулась неровная стена гор цвета дождевого облака. Прошло минут пятнадцать с момента его заплыва, и он с удивлением обнаружил, что только приближается к середине озера, хотя полагал, что за это время доплывёт до другого берега. На этом отрезке вода казалась гораздо холоднее, чувствовалось, что откуда-то из глубины бьёт родник, да ещё течения усилились, сбивая Адама с заданного курса. Силы начали иссякать, он стал плыть медленнее. Перевернулся на спину, ощутив, как яркое солнце ударило ему в глаза. Может, повернуть назад? Но если он даст задний, то сдастся. А он не привык сдаваться, стараясь доделывать начатое до конца, и обычно доделывал, как тяжело бы ему ни было. Дополнительный рывок – и будешь у цели. Он мысленно перевёл плавание в плоскость отношений со своей возлюбленной: ещё один рывок, ещё небольшой – и они вместе! Эти мысли придали ему сил, и он вновь принялся активно грести руками в полной синхронности с движением ног. Вскоре он заметно сбавил темп, неожиданно ощутив, как ножные мышцы свело судорогой. Адам попробовал согнуть ноги, но они его не слушались. Он ужаснулся: этого с ним раньше никогда не случалось – к ногам словно привязали тяжёлый груз, который с каждым мгновением тянул его на дно. Адам заметил, что ему холодно, его тело мёрзнет. Он заставил себя перевернуться на живот, посмотрел вперёд: до заветного берега оставались какие-то метры.

Какова была радость, когда он почувствовал животом тепло согретого солнцем прибрежного песка!

Он очутился на извилистой тропинке, усыпанной булыжниками. Кое-где виднелась редкая растительность.

Тут же гряда валунов подпирала грозно возвышавшийся над Адамом остроконечными выступами утёс. Валуны казались обманчиво мёртвыми, абсолютно неподвижными, но стоит разбушеваться природе, как они превратятся в бесчувственных великанов, готовых своей мощью раздавить оказавшегося на их пути человека – мелюзги по сравнению с каменными исполинами. Тяжело дыша, он уселся на один из таких валунов, ощутив жар, передавшийся ему. Солнце ласково согревало подмёрзшего и уставшего Адама.

Он сделал это! Он переплыл целое озеро, которое оказалось не таким уж и маленьким, и от этого испытал приток свежих сил. Ему хотелось жить и творить. Но ему предстоит проделать путь обратно – и снова в воде. На противоположной стороне берега маячила фигура Вячеслава Дмитриевича, бурно размахивавшего руками. Судя по взмахам и возгласам, хоть и неразборчивым, доносившимся до Адама, тот взывал к его скорейшему возвращению.

Теперь ноги его были в полном порядке, они слушались хозяина без малейших признаков онемения. Адам чувствовал себя бодрчком, готовым на новые подвиги.

Назад он плыл размеренно, большей частью на спине, чаще останавливаясь и стараясь удержаться как можно дольше на поверхности воды. На обратный путь он потратил чуть больше времени. Но зато когда приплыл к берегу, то не чувствовал никакой усталости, наоборот, ему казалось, что он пушинка: необыкновенная лёгкость ощущалась во всём теле. Озеро волшебным образом действовало на него.

Вячеслав Дмитриевич был взволнован.

– Адам, я понял, что ты умеешь хорошо плавать. Но больше такие подвиги не совершай, они ни к чему. Я самый старший, и на меня возложена ответственность за вас всех. Бывало, что у хороших пловцов сводило ноги и их приходилось спасать. Озеро немаленькое, и вода в нём нетёплая. Вдруг заболеешь воспалением лёгких...

Адам поблагодарил его за проявленную заботу и уверил в том, что в следующий раз будет предупреждать о всяких неординарных поступках.

Оставшуюся часть дня Адам и компания провели за разговорами о мирской жизни, наслаждаясь вкуснейшим нежным шашлыком, овощными салатами и другой едой, мастерски приготовленной супругой Сулеймана, которая не забыла приправить её изысканными восточными пряностями.

Они отлично отдыхали, а на следующий день компанией, к которой прибавилось несколько человек, отправились на катере кататься по нурекским озёрам, где с десятков раз прыгали со скал-островков, подолгу плескаясь в воде. Вдоволь напрыгавшись и накупавшись, Адам и компания ублажали животы великолепно сваренной ухой из рыбы, которая была поймана в тот же день специально для них.

Ему казалось, что он попал в рай.

Глава 5

Было около двенадцати дня, когда он поднялся на четвёртый этаж посольства, остановился у двери кабинета и постучался.

– Входите, – раздался приглушённый голос изнутри.

Кабинет был обставлен новой мебелью. Внутри царствовал строгий минимализм, присущий многим государственным учреждениям: распластанный на полу ковёр, на котором находились рабочий стол с примыкавшим к нему столом для совещаний и расставленными с обеих сторон стульями. У стены в деревянном шкафу за стеклянными дверцами хранились рабочие папки.

Адам предстал перед советником-посланником. Это был невзрачный человечек лет пятидесяти, небольшого роста, с седыми жиденькими волосами, разделёнными посередине головы пробором, серая канцелярская «мышь».

«Удел карьерного дипломата так вот безвылазно сидеть за столом и заниматься составлением стандартных справок. Неужели мне придётся стать такой же „мышью“?» – с тоской подумал Адам, не желавший превращаться в серого «мышьонка». Однако внезапно ожившие воспоминания о нелёгкой судьбе таджикского гастарбайтера, с которым он познакомился в самолёте, вмиг стёрли унылые краски, которыми его сознание рисовало образ рядового дипломата. «Лучше уж быть карьерным дипломатом, чем влачить тяжкую ношу гастарбайтера».

Советник-посланник непосредственно подчинялся послу, а в отсутствие главы дипломатической миссии временно возглавлял посольство и именовался временным поверенным в делах российского государства, становясь калифом на час, одновременно вкушая все прелести власти и неся бремя громадной ответственности за функционирование посольства.

Он встал из-за стола и протянул руку, затем жестом пригласил молодого дипломата сесть и, когда оба уселись, начал разговор:

– Адам Иванов? – Советник-посланник вопросительно воззрился на него, а затем перевёл взгляд на лист бумаги, который держал в руках.

Адам многозначительно кивнул.

– Приехали к нам после Дипломатической академии. Характеристика у вас хорошая. Надеюсь на долгосрочное сотрудничество. Работы у нас много. Если будете хорошо выполнять должностные обязанности, можете оставаться здесь столько, сколько захотите. Условия проживания в посольстве отличные: бассейн, теннисный корт, сауна, столовая. В квартире есть всё необходимое: плита, душевая, туалет, горячая и холодная вода...

Ораторским мастерством за долгие годы работы на дипломатическом поприще советник-посланник овладел в совершенстве: не сбивался, иногда, где необходимо, выдерживал паузы, умел чётко и грамотно выстраивать предложения.

Знакомство продолжалось около получаса. Адам выслушал напутствия второго лица посольства и пообещал, что будет работать на полную катушку. На том и попрощались.

На следующий день ему предстояло встретиться с послом.

Он видел посла и раньше, его трудно было не увидеть. Лицо главы посольства мелькало в рейтинговых телепередачах, серьёзных газетах и деловых журналах. Это был известный и уважаемый человек, государственный и общественный деятель. Перед встречей Адам испытывал волнение, которое не давало ему собраться с мыслями. Он не знал, как преподнести себя послу, в каком русле будет происходить беседа, какие вопросы тот будет задавать. И это незнание привело его в замешательство, какое возникает обычно у студентов в день экзамена.

– Можете входить, – сказала секретарь, после того как по внутренней связи доложила послу о приходе Адама.

Посол, нагнувшись над письменным столом и подперев ладонью квадратный подбородок, сидел в массивном кресле на колёсиках. Лицо у него было задумчивое.

Завидев возникшего в дверях дипломата, он сбросил с себя маску задумчивости, поднялся, и они обменялись крепким рукопожатием. Адам подметил разницу: вялое, слабенькое рукопожатие со вторым лицом посольства и настоящее, мужское – с главой дипломатической миссии.

Адам автоматически оглядел кабинет, который был раза в два больше, чем кабинет советника-посланника. Вдоль стены, напротив кресла посла, тянулся длинный высокий шкаф, полки которого были сплошь уставлены книгами философов-мыслителей разных времен и русской интеллигенции, что свидетельствовало о широком кругозоре руководителя посольства. На самой верхней полке Адам заприметил саблю, окаймлённую восточными узорами и аккуратно примыкавшую к корешкам книг. «Наверняка острая – в один миг с лёгкостью срубит пару десятков непослушных чиновничьих голов», – подумал он.

Оба сели в кресла, и теперь их разделял внушительных размеров письменный стол. Позади посла на стене висела картина неизвестного художника, запечатлевшая смелого всадника, одетого в черкеску, талия которого перетянута кожаным поясом со спрятанным в ножны кинжалом. На голове всадника баранья шапка; белый конь несёт его по серпантину меж высоких гор и неприступных скал, а в ясно-синем, не омрачённом ни единым облачком небе парит гордый орёл.

Помимо сложенных в стопочку деловых папок и российского флага на столе особо выделялась зелёная книга в твёрдом переплёте. Адам прочитал её название, состоявшее из пяти букв, выведенных восточным тиснением на русском языке: «КОРАН». То была священная книга магометан, отражавшая основные постулаты мусульманской религии, приверженцем которой являлся посол.

Веяло приятной прохладой: где-то тихо шелестел кондиционер.

Посол откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу так, что щиколотка оказалась на колене; левую руку, сжав пальцы в кулак, он уткнул в бок. Глава дипломатической миссии был сыном Северного Кавказа, волевым человеком с принципами и моралью.

Благодаря стараниям и интуиции, которые даровал ему Аллах, он достиг в жизни всего, о чём обычный человек только мог мечтать: имел высокий статус в обществе, солидный вес в политических кругах и деловой среде, разъезжал на красивых дорогих машинах, являлся собственником элитной жилой недвижимости в Москве. Он, политический назначенец, никогда не делал карьеру во внешнеполитическом ведомстве, зато был полноправным хозяином в российском посольстве. Посол дружил с таджикским президентом, знаменитыми российскими певцами и другими влиятельными людьми, а остальные человечки, менее влиятельные, метившие на высокие должности, почитали за честь быть у него в друзьях. У него были обширные связи в России и на Ближнем Востоке.

– Ну что, Адам, будем знакомиться, – сказал он с кавказским акцентом. – Ты будешь кофе или чай?

Улыбка Адама стала естественной реакцией на предложение влиятельного человека.

– Чай.

Посол нажал кнопку внутренней селекторной связи, и секретарь тотчас появилась в дверях.

– Два зелёных чая нам принеси! – гаркнул он. – Не знаю, смог бы я эффективно работать без этого чудесного напитка.

Адаму тоже нравился зелёный чай. Он подметил сходство вкусов. «Это хорошо».

– Я вижу, ты старательный парень. Кандидатскую собираешься защищать. По какой теме? – глядя в глаза дипломату, поинтересовался посол.

– Права личности во время вооружённых конфликтов.

– Актуально. – Посол важно провёл ладонью по правой и левой щеке, а затем пальцами погладил чёрные усы, которые были похожи на жирную пиявку, намертво присосавшуюся к верхней губе. – Сейчас в мире полный бардак с правами. – Как впоследствии выяснилось, он прибегал к использованию слова «бардак» в различных контекстах: бардак на улице, бардак в работе, бардак в политике. – Насилуют, убивают, репрессируют, ущемляют. Естественное право на жизнь превратилось в естественное право на смерть. Везде процветают ложь, лицемерие и ненависть.

Посол был доктором философских наук.

Чем дольше Адам разговаривал с послом, тем больше тот ему нравился. Посол вёл беседу так, словно был равного статуса: не ощущалось ни пафоса, ни высокомерия. И напряжение, владевшее Адамом перед встречей, растворилось, подобно тому как растворяется шипучая таблетка в стакане с водой.

Секретарь сначала принесла чай, разлитый по фарфоровым чашкам, душистый аромат от которого начал разливаться по всему кабинету, а затем – тарелку с печеньем.

Пока глава посольства брал дымящуюся чашку и осторожно подносил её ко рту, Адам кинул взгляд в сторону входной двери, рядом с которой размещался кожаный диван на пять-шесть персон с журнальным столиком, на котором стояла непочатая бутылка виски «Blue Label» и лежала пара газет.

– Ты не женат? – спросил посол.

Вопрос был так же закономерен, как яблоко, падающее с дерева на землю.

– Пока нет.

– Не спеши. Ищи жену, которая тебя будет слушаться.

– К сожалению, пока такой девушки не удаётся найти, – ответил Адам, мысленно коснувшись образа своей возлюбленной.

– Ты молодой. Главное, не спеши с выбором. Женщин много, а ты один. – Посол разразился смехом, отчего на его высоком лбу резко обозначились складки, и хлопнул себя рукой по колену.

Он обладал хорошим чувством юмора, и Адам разделил с ним радостное настроение.

Наступила короткая пауза. Посол сменил позу и, поставив локти на стол, подался вперёд.

– Вот что я тебе скажу, Адам. Если ты хочешь делать карьеру в МИДе, это совсем неплохо. Ты и твоя семья будут всегда обеспечены. Карьерный дипломат имеет определённый статус в обществе. Конечно, ты не сможешь жить на широкую ногу, но на хлеб с маслом и икрой тебе будет хватать.

Посол говорил размеренно, степенно, со свойственным ему, как человеку с большой буквы, чувством такта и расстановки. Он выговаривал каждое слово с присущей ему манерой выступления перед публикой, телезрителями, средствами массовой информации.

– За границей ты получаешь хорошие деньги, откладываешь их, чтобы потом, приехав из командировки, распорядиться ими на необходимые цели. В Москве зарплата не такая высокая, но накопленных денег вполне хватит до очередной командировки при разумных тратах. – Посол смотрел на Адама взглядом, напоминавшим гипнотизирующий взгляд удава. – А если хочешь большего от жизни, – на слове «большого» он сделал ударение, – тебе нужно искать что-то более весомое, например, депутатское кресло. Но при одном условии: ты должен чувствовать в себе силы изменить ту жизнь, которой живёшь в настоящее время.

Адам прикинул в уме, сколько времени и денег ему понадобится, чтобы заполучить депутатское кресло, и пришёл к выводу, что до статуса депутата ему так же далеко, как до луны.

Неотложные дела ожидали посла. Его график был плотным, служебный и мобильный телефоны постоянно разрывались от звонков. Ему предстояло ехать на очередную деловую встречу.

Посол встал и протянул Адаму руку. Они вновь обменялись крепким рукопожатием. Адам отметил, что глава дипломатической миссии выше его на целую голову. Посол должен быть высоким, подтянутым, импозантным. Всё-таки он представляет государство – и ему необходимо выглядеть соответствующим образом.

Когда Адам пересекал дверной проём, ему в спину донеслось:

– Ты спортом занимаешься?

Адам обернулся и ответил:

– Да, плаванием и лыжами.

– Плавание и лыжи – это хорошо, но надо потихоньку приобщаться к волейболу.

«Ах да! Совершенно забыл. Посол помимо всего прочего увлекается волейболом и является не то кандидатом в мастера спорта, не то мастером спорта».

– Непременно, господин посол, – отчеканил Адам.

Глава 6

Шёл четвёртый месяц его работы в посольстве.

– Здравствуйте. Можно к вам?

– Да, что у вас?

Адам принял от худощавого мужчины средних лет в кожаном потёртом пиджаке пакет документов и попросил его присесть. Сколько раз он слышал от посетителей ставшие заезженными слова «здравствуйте», «как поживаете?», «не посмотрите ли документы?».

Он вёл приём через пуленепробиваемое окошко.

Напротив него сидела Александра, которая собаку съела на консульских вопросах. У обоих в пользовании находилось по письменному столу с компьютером и канцелярской мелочёвкой в виде ручек, карандашей и рабочих папок.

Выбрала ли Александра профессию дипломата осознанно или нет, оставалось для всех загадкой в посольстве. Ходили слухи, и небезосновательные, что своему назначению на должность она, имевшая два высших образования и кандидатскую степень, была обязана послу, который был хорошо знаком с её родителями.

Двадцатисемилетняя Александра, приятная на лицо, являлась обладательницей необычайно белой кожи, округлых бёдер и пышного бюста, который аппетитно выглядывал из-под разреза платья и плавно колыбался в такт её движению. Она до сих пор оставалась незамужней.

Поговаривали, что у неё был ухажёр на стороне, кто-то из местных. Видели, как по вечерам к воротам посольства подъезжает новенькая иномарка, она садится на заднее сидение и уезжает в неизвестном направлении.

– Адамчик, – она часто прибавляла уменьшительно-ласкательный суффикс к его имени, – мне надо бежать. Доработаешь один, хорошо? Вот ключики, не забудь закрыть сейф.

Александра совмещала основную работу с преподаванием в местном Российско-Славянском университете, в котором читала спецкурс по дипломатическому и консульскому праву. Как у неё хватало сил на всё это – одному Всевышнему было ведомо. Однажды, помогая одной даме перенести фирменный чемодан по ступенькам московского подземного перехода на улицу *Китай-Город*, Адам заметил: «Как вы, такая хрупкая женщина, таскаете такую тяжесть?» На что она с улыбкой ответила: «Мы, женщины, многое способны выдержать в этой жизни».

Он провожал Александру взглядом, который всякий раз, когда она поворачивалась к нему спиной, автоматически устремлялся на её ноги, хоть и не искушавшие спортивностью форм, но притягивавшие своей женственностью, избалованные ежедневным сидением на рабочем месте и поездками в автомобилях.

– Передавай от меня привет студентам, – сказал он, прекрасно осознавая, что Александра не передаст им никакого привета, хотя бы потому, что те не имели ни малейшего представления о том, кто такой Адам.

– Передам, – усмехнулась она и вышла из кабинета.

Он прошагал по паркету к железному сейфу, вставил ключ в замочную скважину и несколько раз повернул в нужном направлении. В нём хранились консульские печати, бланки паспортов, виз, свидетельств о рождении, смерти, усыновлении и другие документы.

Он извлёк оттуда пару заявлений о принятии в российское гражданство и закрыл дверцу на ключ. К заявлениям были прикреплены деньги за совершение данного консульского действия.

Адам передал документы Ирине Максимовне, симпатичной блондинке, сидевшей позади него в специально отведённой комнатке. Она курировала бухгалтерские вопросы. На ней лежали обязанности по ведению учёта каждого консульского действия и подсчёту денег, поступавших в посольство за оказание консульских услуг. Ежемесячные финансовые отчёты пере-

давались затем главному бухгалтеру – та осуществляла окончательную проверку финансовых показателей.

– Это за вчерашний день?

– Ага, – ответил Адам, одновременно просматривая текст документа, только что принятого от мужчины, и сверяя содержимое с паспортными данными заявителя. – Вчера я чуток задержался на работе и успел принять ещё двух людей. Вас уже не было, поэтому мне пришлось на некоторое время превратиться в бухгалтера.

Адам утрировал, так как он всего лишь принял деньги от заявителя за совершенное консульское действие и выдал тому квитанцию, что вряд ли являлось бухгалтерией в чистом виде.

– Ну и как? Тебе понравилась роль бухгалтера?

– Честно говоря, это занятие не для меня. Постоянно нужно пересчитывать деньги, выписывать квитанции, сводить дебет с кредитом или кредиты с дебитом. О проводках я вообще молчу, для меня это тёмный лес.

– Каждому своё.

– М-да, вы правы.

Адам обратился взглядом к окошку.

– Хуршед Хамидович, подойдите-ка! – окликнул он сидевшего на диване мужчину в кожаном потёртом пиджаке. Тот в задумчивости листал записной блокнот.

Хуршед вскочил, засунул блокнот в боковой карман пиджака и заторопился к окошку.

– Что-то не так?

– Хуршед, спешу вас огорчить. В вашем заявлении найдено много грамматических ошибок. Придётся перепечатать.

– А от руки можно?

– Нет. Только в печатном виде.

– Я успею до обеда? – растерянно спросил мужчина, механически посмотрев на свои дешёвые наручные часы.

– Не знаю. Если успеете – приходите. Не успеете – придёте в следующий раз.

Сейчас Адам разговаривал тоном канцелярской «крысы», которая только и знает что целыми днями перебирать бумажки и находить в них ошибки, а затем отшивать бедных визитёров. Но в любой момент он мог изменить тон и говорить совсем по-другому. Он умел искусно менять ноты в разговоре, как профессиональный актёр, который, работая над речью, мог произнести её бархатным баритоном, а мог – и сухо.

– Но перед посольством постоянно большие очереди, меня не пропустят.

– Пропустят, – уверил Адам взволнованного мужчину.

Тот оказался хитрее, чем казался, и попросил дипломата выдать письменное подтверждение относительно того, что его примут вне очереди. Адам по-быстрому состряпал документ на блокнотном листе и отдал заметно повеселевшему Хуршеду.

– Следующий! – прикрикнул Адам.

Он встал со стула и прошёлся туда-сюда, чтобы сбросить напряжение от долгого просмотра документов.

В окошке Адам увидел человека на костылях. Это был темнокожий мужчина лет тридцати пяти. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что он приехал откуда-то с южных окраин Таджикистана: кожа у него была чересчур загорелая. Предположения Адама подтвердились, когда он увидел в паспортной строке место рождения и прописки военнослужащего: город Куляб, расположенный южнее Душанбе, недалеко от границы с Афганистаном.

Военнослужащего сопровождала женщина, не менее смуглая, чем он сам, и одетая в розовое платье туникообразного покроя. Она подошла к дивану и села.

Мужчина взял у неё стопку документов и положил её на стойку. Адам съёжился. «Неужели столько детей? Я и до обеда не успею».

– Вы подаёте на гражданство детей?

Мужчина кивнул и добрым тоном ответил:

– Да, Адам.

«Меня многие знают по имени, и вовсе не надо быть артистом».

– Сколько же их у вас?

Алимжон, так звали военнослужащего, поднял правую руку и на пальцах, зажав большой, показал четыре. Затем то же продемонстрировал и на левой руке.

– Восемь?! – удивлённо воскликнул дипломат. – Это слишком много. Хорошо, положите документы в ячейку.

– Как у вас настроение?

Адам позволил себе дежурную улыбку.

– Спасибо, настроение у меня просто отличное. А что у вас с ногами?

Военнослужащий пристукнул костылями по полу – раздался звук, который отдалённо напомнил цоканье, вылетающее из-под копыт скакунов.

– Ничего особенного. Небольшая авария.

– Алимжон, я буду долго работать с вашими документами, поэтому вам лучше присесть на диван.

Адама смущало, когда люди стояли у стойки и наблюдали за его работой. У него возникало ощущение психологического давления, исходившего от них и мешавшего сосредоточиться на деле. Некоторые следовали его пожеланиям и отходили от окошка, некоторые – нет.

– Спасибо, Адам, но я лучше постою.

Дипломат пристально посмотрел военнослужащему в глаза, а затем спросил:

– Алимжон, какая у вас зарплата?

– На жизнь хватает.

– Восемь детей – это ж очень много! Ну, три, ещё понимаю, а вот восемь. – Адам недоумённо покачал головой.

Военнослужащий стал неуклюже пожимать плечами, костыли на мгновение повисли в воздухе, а затем ударились о пол, напомнив о ранее услышанном звуке.

– Дети – наше богатство, – философски промолвил он.

– Алимжон, зарплата у вас маленькая. У всех военнослужащих скромное жалование. Как вы растите детей? В обычных русских семьях максимум по два ребёнка, и родители трудятся в поте лица, чтобы прокормить их. Вы как выкручиваетесь из этого положения, а?

Разговор слышали жёны дипломатов, помогавшие в работе консульского отдела, и наострили ушки. Они находились в комнате напротив, и Адам невольно услышал, как те стали перешёптываться между собой; двери кабинетов редко закрывались, и разговоры с посетителями без помех доносились до сидящих в близлежащих кабинетах сотрудников.

– Адам, говори чуть тише, – прошептала Ирина Максимовна, поднеся палец к губам и указав на соседнюю дверь.

Она, возможно, была единственная в консульстве, кто относилась к нему с материнской теплотой. Такое отношение со стороны замужней женщины, имевшей двух взрослых дочерей, было ему приятно и согревало душу.

– У нас, таджиков, особый менталитет. Мы любим детей. Когда мы станем старыми, то о нас будет кому позаботиться. Дети принесут хлеб в дом, накормят и напоят. Они чтят родителей и никогда не отправят стариков в дома престарелых.

– Понятно, – участливо кивнул Адам.

– В России другой менталитет. В русских семьях часто бывает, что старик не нужен своим детям, и это печально. – Военнослужащий на миг замолк, а затем с умилением продолжил: – А нашим детям хватит хлеба, не беспокойтесь. У нас ребёнок никогда не останется голодным. Аллах поможет.

«Да, это надо иметь мужество, чтобы стать отцом восьмерых детей с небольшой зарплатой военнослужащего. Сильный человек», – серьёзно подумал Адам.

– Ну а ваша жена? Как же она? Как она справилась с такой нагрузкой? Вы пожалели бы её. Столько детей вывести на свет! – Вопросы могли бы показаться ироничными, но в них не было намёка на иронию – наоборот, желание лучше узнать менталитет местного жителя.

В комнате напротив послышались смешки, тут же сменившиеся бурной дискуссией на тему затронутых Адамом вопросов. Ирина Максимовна легонько ущипнула его за руку. На её лице играла доброжелательная улыбка. Адам заглянул ей в глаза и прочитал в них, что разговор с военнослужащим стал донельзя интимным и шепетильным.

– Она у меня сильная.

– Вы ещё хотите ребенка? – допытывался Адам.

– Да. Я пока молод и могу делать детей.

– Я к вам заеду в гости и посмотрю, как вы живёте. Вы не против? – спросил Адам, отчётливо сознавая, что вряд ли выкроит время для подобной поездки.

– Мы будем вам рады.

Адам просмотрел документы. На их проверку он затратил полтора часа. Глаза, покрасневшие от напряжения, устали и пощипывали, он пошёл в туалет и промыл их холодной водой. Вернулся к рабочему месту. Алимжон продолжал героически стоять у окошка.

К удивлению Адама, документы на всех восьмерых детей были заполнены грамотно. Как правило, в подобных случаях он обнаруживал множество явных грамматических ошибок и отправлял людей переделывать заявления в контору, располагавшуюся через дорогу от посольства, в невзрачном жилом доме на первом этаже. Там работали две девушки, менявшие друг друга через день. В распоряжении у них находились компьютер и принтер, и они занимались тем, что целыми днями печатали тексты заявлений о гражданстве. За свою работу они брали плату, от пяти до восьми сомони за одно заявление. Если учитывать, что за день к ним обращались десятки заявителей, то нетрудно было догадаться, сколько денег контора делала на них. Это был прибыльный бизнес, потому что желающих получить российское гражданство достигало сотен, тысяч людей – таджиков, узбеков и даже русских, оставшихся «чудесным образом» без российского гражданства.

Дети Алимжона были несовершеннолетние: семеро ещё не достигли четырнадцати лет, а восьмому уже исполнилось четырнадцать, поэтому требовалось его письменное согласие на получение российского гражданства. Мальчик не присутствовал с родителями, но Адам заметил заявление, составленное в местном государственном нотариате. Оно содержало согласие ребёнка, переведённое на русский язык, скреплённое соответствующей официальной печатью. В таком случае личное присутствие Бахтиора, самого старшего сына Алимжона, не требовалось.

– Мне нужно письменное согласие вашей супруги на вступление в гражданство Бахтиора. Алимжон резко повернул голову и по-таджикски позвал сидевшую на диване женщину.

– Вы понимаете по-русски? – поинтересовался Адам.

– Так, немножко, – робко ответила она.

– Моя жена знает русский язык, – поспешил сообщить Алимжон. – Просто она стесняется вас.

– Почему?

– Она всё время сидит дома и редко выходит на улицу. Она редко разговаривает с людьми и стесняется их.

– Не все же домохозяйки стесняются, – отметил Адам.

Недавно он находился в гостях у одного местного паренька, получившего высшее образование в России, матушка которого, настоящая домохозяйка, за дастарханом веселила Адама различными весёлыми шутками-прибаутками и всё время расспрашивала его о том, нра-

вится ли ему в Таджикистане, подружился ли он с кем-нибудь, и даже обещала, если того пожелает гость, найти ему невесту, красивую, серьёзную и порядочную девушку.

– Да, не все, – согласился Алимжон, – но она у меня исключение.

Жена военнослужащего была довольно пухлой. Возможно, до рождения детей она была худенькой девушкой, а после родов значительно набрала вес и превратилась в ту, которая стояла перед ним.

Она поставила подпись на заявлении, и Адам отпустил её.

– Теперь ваша очередь, Алимжон.

Адам отдал ему на подпись все восемь заявлений. Тот расписался на каждом экземпляре и вернул документы.

– Могу вас поздравить, – сердечно произнёс дипломат, – вы успешно справились с задачей. Не сделали ни одной ошибки.

– Я старался, – смущённо ответил военнослужащий. – А когда будет принято решение?

– Думаю, что через месяц или два ваши дети станут российскими гражданами. Позвоните в консульский отдел, назовите фамилию и вас поставят в известность.

– Спасибо вам, Адам.

– Да не за что. До свидания.

До обеда оставалось минут сорок и Адам успел принять ещё двоих заявителей.

Глава 7

Неофициально дипломатическое представительство делилось на два сектора. В первый сектор входили все, кто работал в главном здании, в котором находились кабинеты посла и советника-посланника. Второй сектор составляли служащие консульского отдела, включая Адама.

Консульство в рабочее время жило своей жизнью, отличной от жизни первого сектора. Оно имело собственный одноэтажный особняк и в будни постоянно гудело голосами сновавших взад-вперёд служащих.

Внутри главного здания, наоборот, царили тишина и спокойствие. Адам иногда укрывался там, когда заявители доставали его всевозможными просьбами. Он удалялся с рабочего места минут на пятнадцать под предлогом ознакомления со служебными документами. На то, чтобы ознакомиться с ними, у него уходило максимум три минуты. Всё оставшееся время он проводил или с Шамилем, инженером, отвечавшим за компьютеры, или с Антониной Ивановой, заведующей канцелярией, одинокой женщиной бальзаковского возраста. За чашкой чая или кофе он успевал обсудить какую-нибудь незначительную тему. Получив дополнительный источник энергии, он с чувством облегчения возвращался на рабочее место.

За время его отсутствия люди заметно нервничали, думая, что их заявления не рассмотрят в срок и, скапливаясь у окошка, дружно начинали донимать Адама просьбами об оказании консульской помощи. Засучив рукава, он с новыми силами принимался за работу.

Александра делила с ним работу пополам, хотя в последнее время, когда Адам вполне освоился с трудовыми обязанностями, она частенько покидала консульский форпост, где напряжение порой достигало апогея и выливалось в словесную перебранку. Накануне она разозлилась на одну женщину, не подчинившуюся её указаниям, и на повышенных тонах в присутствии Адама заявила:

– Вы думаете, что мне доставляет удовольствие возиться с вами?! Вы не хотите перedelывать заявление!.. Хорошо, я не буду его принимать!.. Поверьте, я получала два высших образования не для того, чтобы слушать ваши невнятные доводы!.. Я с удовольствием была бы далеко отсюда, где-нибудь во Франции, но сейчас у меня нет такой возможности и я вынуждена работать здесь! Так что делайте то, что я вам говорю, и не испытывайте моего терпения!..

Александра искала лучшего для себя места в жизни, и Адаму не могло не нравиться её стремление, как стремления многих тех, кого он знал. Было бы куда проще опустить руки и смириться со своей судьбой. По мировоззрению к Александре была близка Алиса, сотрудница канцелярии, работавшая в том же департаменте российского внешнеполитического ведомства, что когда-то и Адам; Алиса хвасталась, что по окончании учёбы на юриста уйдёт со своего нереспектабельного места работы, откроет нотариальную контору и будет разъезжать на крутой иномарке по Москве, вести деловые переговоры в дорогих ресторанах с серьёзными партнёрами, а по вечерам ей в модно обставленный кабинет будут заносить дневную выручку солидными суммами.

У Александры был непростой характер. По своей природе она относилась к категории тех женщин, которые любят повелевать. Возможно, по этой причине Александра никак не могла найти подходящего мужчину; возможно, она не хотела выходить замуж, считая, что пока не настало время сковывать свою жизнь узами брака; возможно, была иная причина. Благодаря волевому характеру ей удалось продержаться на консульской службе два года. Это был немалый срок, и немногие выдерживали его, потому что консульская деятельность высасывала соки из дипломата, требовала мощного нервного напряжения и полной самоотдачи.

И в этом смысле Душанбе считался горячей точкой. Ежедневно, кроме субботы и воскресенья, у посольства скапливались огромные очереди людей, желавших попасть на приём к консулу.

Бывало, что некоторые из них семьями ночевали у ворот консульства, чтобы попасть на заветный приём. В основном это были люди, прибывшие в Душанбе из других таджикских городов и кишлаков, входивших в консульский округ российского посольства. Среди них встречалось много пожилых русских людей, оставшихся волей судьбы в этом среднеазиатском государстве и не сумевших переехать в Россию. Они были малоимущими, считали каждую копейку и, наверное, в глубине души проклинали свою несчастную судьбу.

Помимо дипломатического состава в консульстве работали жёны сотрудников посольства. Они помогали дипломатам в текучке, а также активно распускали слухи, обсуждая происходившие в посольстве события. У них была устоявшаяся, пресноватая жизнь, и малейшее событие, связанное с тем или иным сотрудником, было призвано скрасить их скучные будни. Как правило, активная дискуссия начиналась утром, около десяти тридцати. Женщины собирались в узкий круг, заваривали чай, красиво раскладывали по тарелочкам конфеты и печенье, звали Александру и принимались совмещать приятное с полезным. Адам если и заглядывал к ним на огонёк, то долго не засиживался: минут пять вполне хватало ему, чтоб выпить чашку чая и скушать пару конфеток. Чаепития растягивались на двадцать – тридцать минут в зависимости от степени увлекательности лежавшей на повестке дня темы. Пока Адам занимался очередным посетителем, женщины обсуждали сложные перипетии, касавшиеся личной жизни Васечки.

Васечка отвечал за информационно-компьютерное обеспечение посольства. Ему было тридцать семь лет, но благодаря мальчишескому лицу он выглядел на двадцать семь. В конце командировки он умудрился влюбиться по неосторожности в одну особу. Он познакомился с ней на приёме в посольстве, она работала там официанткой.

Девушка была моложе его лет на десять. В ней было намешано понемножку и татарской, и узбекской, и русской крови.

Официантка распознала его податливый характер и поняла, что инженер – её верный шанс вылезти из грязи. Его же настолько заело одиночество, что он не желал долго и основательно копаться в сути девушки, устраивая всякого рода проверки на предмет её искреннего отношения к нему.

За три года работы в посольстве Васечка накопил приличную сумму денег. Официантка была ушедшей девушкой, и вскоре ей удалось получить эту ценную информацию. Она стала раскручивать его на подарки, а он покупал их с большой радостью, тратя деньги на модные платья и украшения.

До знакомства с нею Васечка слыл настоящим скрягой, боясь потратить лишнюю монету на еду. Несмотря на солидную зарплату в три тысячи долларов, он питался исключительно консервами и растворимыми супчиками, ходил в обносках десятилетней давности и продолжал носить их, встречаясь с ней.

Дело шло к свадьбе, и лишь глухой в посольстве мог не знать об этом.

Жёны дипломатов выступали против свадьбы по той причине, что девушка не подходила ему по статусу: Васечка инженер посольства, а она обычная официантка, к тому же с местной пропиской. Кроме того, они узнали, что она девица лёгкого поведения, и данное обстоятельство явно играло не в её пользу. С другой стороны, они горели желанием хорошенько повеселиться на его свадьбе – ведь когда ещё представится такой случай. Одна Александра поддерживала его морально.

Посол тоже был не в радости от известия.

– Только через мой труп будет этот брак, – протестовал он на закрытом совещании, где присутствовали исключительно дипломаты. – Он ставит меня под удар! Это ж уму непости-

жимо: жениться на иностранке, причём с сомнительной репутацией. Вот пускай увольняется из посольства, едет в Москву и женится хоть на инопланетянке. Тогда ему никто и слова не скажет...

Правильность слов главы дипломатической миссии не ставилась под сомнение. Согласно внутренним инструкциям российского внешнеполитического ведомства министерскому работнику не разрешается соединять себя узами брака с иностранцем. Это нанесло бы вред интересам национальной безопасности: вполне вероятно, что тот может оказаться шпионом, работающим на чью-либо разведку.

Однажды официантка попросила Васечку выкупить лавку по продаже драгоценностей в центре Душанбе, и он не отказал ей, выложив за подарок около десяти тысяч долларов. Для Таджикистана сумма довольно значительная. Когда в посольстве распространилась весть о его невиданной щедрости, жёны дипломатов ужаснулись, начав строить различные предположения, в которых прослеживались то ли зависть, то ли сострадание к Васечке:

– Ах, этого просто не может быть!.. Как Васечка мог решиться на такой опрометчивый поступок?.. Она использует его в своих меркантильных интересах... Ей нужны только его деньги... Она попользуется им и найдёт себе другого... Он, наверное, потратил на неё все свои сбережения...

В один из дней Адам поехал на машине за продуктами и прихватил с собой Васечку. Они заехали в супермаркет, где Васечка закупил пива и чипсов. Адам не водил с ним дружбу, но в тот вечер согласился составить ему компанию. У инженера было отчего-то скверное настроение, и он собирался заглушить его в выпивке.

Они поднялись на пятый этаж к Адаму.

– Это, конечно, не моё дело. В твою жизнь я не собираюсь лезть, – осторожно начал Адам, – но почему ты с ней?

– Я люблю её, – без доли сомнения выпалил Васечка.

– А она тебя?

– Не знаю, но я надеюсь на взаимность.

– А как же её репутация?

– Мне плевать на это. Мне безразлично, что думают о ней другие. Я приеду в Москву, познакомлю её с мамой, и мы будем жить счастливо.

– А не боишься того, что в Москве она предастся развратным утехам?

– Не хочу об этом слышать. – Васечка скривил лицо в недовольную гримасу. – Я знаю её хорошо. Она меня не проведёт. Я надеюсь на лучшее. Думаю, что перевоспитаю её.

– Такую как она вряд ли перевоспитаешь.

Васечка беспомощно махнул рукой.

– Надеюсь, что всё будет хорошо и мы будем жить дружно и счастливо. Мне тридцать семь, а я всё ещё не женат.

Адам посмотрел ему в глаза: перед ним находился совершенно другой человек. Если ранее Васечка казался ему бесчувственным, чёрствым малым, считавшим каждую копейку, то сейчас, наоборот, чувственным и ранимым; он производил впечатление человека, который искренне любит и надеется на то, что все невзгоды и проблемы с будущей невестой обойдут его стороной и над ними воссияет звезда вечного счастья.

– Тебе виднее.

– Подберёшь мне костюм и ботинки к свадьбе? – спросил Васечка, расплывшись в мечтательной улыбке. – А то я нисколько не понимаю в современной моде.

Это Александра повлияла на его решение купить свадебную одежду. Она постоянно делала ему едкие замечания по поводу его жалкого внешнего вида, и Васечка под натиском её уколов критики наконец-то сдался и решил обновить издававший виды гардероб.

– Конечно, – с охотой согласился Адам, явно обрадованный тем обстоятельством, что Васечка увидел в нём человека, неплохо разбирающегося в мужской одежде, – нет проблем...

На следующий день Васечка отправился к своей любимой девушке. Она жила далеко от посольства, где-то на окраине Душанбе. Он добрался до её дома, как обычно, на маршрутке. Когда он вошёл к ней в квартиру, то застал её в объятиях какого-то мужика.

Трудно было сказать, кто оказался в ненужном месте и в ненужное время – она, мужик или Васечка, так же как трудно было поверить в то, что Васечка, здоровый и крепкий, схватил инфаркт и оказался на больничной койке.

Свадьба сорвалась, и он, оправившись от шока, покинул Душанбе несолоно хлебавши.

Глава 8

Было одиннадцать вечера. Адам в шортах и майке подошёл к окну, распахнул его, и в лицо ударила приятная волна декабрьского воздуха. Он вдохнул его всей грудью и посмотрел вдаль. С пятого этажа открывался красивый вид на ночной Душанбе. Конечно, это не Нью-Йорк с небоскрёбами и буйным ритмом жизни, где работала в консульстве одна его знакомая – дипломат, но и не какое-то захолустье. По улице, освещённой огнями городских фонарей, на огромной скорости, совершенно необычной для столицы Таджикистана, промчался автомобиль, прорезая рёвом мотора волшебную тишину. Адам не успел разглядеть марку автомобиля, да в этом и не было необходимости.

Месяцем-двумя ранее, где-то в середине осени, когда он совершал вечерние пробежки, по Душанбе разносился едкий запах не то жжёной бумаги, не то газет, не то какого-то другого мусора. Создавалось впечатление, что поблизости работал мусоросжигательный завод, который отравлял атмосферу. Сейчас же, в начале зимы, жители могли вновь наслаждаться чистым горным воздухом.

Адам отвернулся от окна и шагнул к барной стойке, где находилась бутылка коньяка, которую он привёз из Москвы. Он не выставил её на стол, чтобы отметить свой приезд с новыми коллегами: женщины предпочитали более лёгкие алкогольные напитки, а мужчины – водку.

В свете настольной лампы, забранной в оранжевый абажур, он взял бокал с коньяком и плюхнулся в кресло, закинув ноги на соседний табурет.

Он был один в своей комнатухе, где в одном конце уместились буфет с барной стойкой, плитой и раковиной, холодильник, кухонный стол и четыре табурета, а в другом – диван-кровать, шкаф-стенка, кресло, торшер и тумба с настольной лампой. Холод одиночества поселился в его сердце. Ему было скучно и грустно в данный момент. Он отпил коньяк.

Адам имел привилегированный статус и хорошую зарплату, но всё это было ничто без любимой женщины. Она была ему так же жизненно необходима, как воздух, вода и еда. Он нуждался в преданной женщине, которая разделит с ним печали и радости, станет оплотом в его начинаниях, поддержит в трудную минуту.

Адам выпил содержимое бокала и поставил его на кухонный столик, примыкавший к окну. Взглядом обвёл бокал, по стенке которого, в таком же как и он одиночестве, стекала на дно едва заметная капелька жидкости, чудом не попавшая ему в рот. Он чувствовал себя вдовцом – даже не женившись.

Адам вспомнил недавний разговор с военным служащим, для которого дети – главный смысл жизни. Он смотрел Алимжону в измученные глаза и видел в них доброту, свойственную простому человеку, не стремящемуся к бесконечным материальным богатствам. Богатство для него – это его душа и дети, всё остальное не так уж важно, второстепенно. Алимжон любит своих детишек и пришёл в российское посольство, чтобы получить для них российское гражданство. Жизнь в Таджикистане тяжёлая, и когда дети вырастут, то встанет вопрос об их дальнейшей судьбе. Будучи российскими гражданами они смогут беспрепятственно въехать на территорию России, заработать и отложить денег, а затем вернуться на родину, купить участок, отстроить дом и вести собственное хозяйство.

Работа с посетителями стала для Адама как будто второй жизнью; он словно жил их проблемами, узнавал каждый день что-то новое, а дети, с которыми те приходили на приём, казались уже не чужими, а братьями и сёстрами.

Спиртное приятно растеклось по его жилам, заставив расслабиться, но спать ему не хотелось: с такими тоскливыми раздумьями он вряд ли бы поймал хороший сон, лишь закрыл бы глаза и ушёл бы в полудрёму, то и дело ворочаясь и борясь с подушкой.

Он подступил к внутреннему телефону, снял трубку и набрал номер.

– Алло? – ответили на том конце провода, откуда доносилась музыка, похожая на ту, что включают диджеи на современных танцплощадках.

– Шамиль, спишь?

– Нет. Приходи, если хочешь. Я пожрать приготовил.

– Буду через пару минут.

Шамиль, ровесник Адама и преемник Васечки, ни с кем не конфликтовал, вёл себя со всеми ровно, где надо – улыбался, кому надо – говорил любезности и комплименты. Выбрал он свою стезю, исходя из жизненного опыта отца, который также был инженером и чувствовал себя при этом весьма неплохо, переезжая со своей женой, матерью Шамиля, из одного посольства в другое. В настоящее время его родители работали в посольстве России в Словении, и Шамиль каждые две недели перезванивался с ними.

Как одно из доказательств духовной связи сына с родителями в его комнате на верхней полке шкафа хранилась фотография, запечатлевшая улыбающегося отца в обнимку с матерью: в преддверии рождества они сидят на деревянной скамье в словенском ресторанчике, а на столе, сбитом из досок, лежат блюда с бараньими ножками и квашеной капустой.

Адам поднимался по лестничному проёму, охваченному тишиной, лишь кое-где нарушаемой приглушёнными звуками, которые доносились из проёмов входных дверей. Кто-то видел седьмой сон, кто-то готовился ко сну, кто-то смотрел телевизор, кто-то, как Шамиль, готовил себе еду, кто-то занимался ещё чем-то – в общем, каждый, попрятавшись в уютных квартирках, занимался своим делом.

Адам без стука вошёл в слегка приоткрытую дверь. Внутри долбила весёлая музыка: из колонок ноутбука, лежавшего на диване напротив кухонного стола, какой-то ультрамодный диджей задавал бешеный ритм. Шамиль с лукавой улыбкой, танцуя, скользил босяком по кафелю, на котором можно было запросто поскользнуться. На нём были синяя футболка и синие боксёрские шорты. Завидев Адама, он схватил со стойки бара два стакана и синхронно, в такт музыке, стал к нему приближаться, дрыгаясь и вытягивая поочередно то правую руку, то левую, умудряясь не пролить ни капли содержимого стаканов. Вся эта пантомима вызвала приступ смеха у Адама.

– Ха-ха, Шамиль. У тебя хорошо получается. Ты не пробовал профессионально заняться танцем живота?

– Вообще-то нет. Давай выпьем.

– Что?

– Водку.

– Класа «Люкс»?

– Конечно, я другой и не пью.

– Решил заглянуть к тебе и прихватил вот это. – Адам вытащил правую руку из-за спины, занятую бутылкой. – Ху-ху-ху-ху, – пропел он наряду с диджейским голосом, доносившимся из колонок. – Может, по коньячку?

– Нет, – мотнул головой Шамиль, – я лучше уж водку. – И опустошил стакан, который, скорее всего, был не первый. – Коньяк не буду, – морщась от выпитого, выдавил он, – не хочу смешивать, а то завтра на работе все попадают от моего дыхания с душком.

– Не душком, а дужком. Давай теперь говорить «ж» в место «ш», – шутливо предложил Адам.

– А вместо «ж» – «ш», – горячо продолжил Шамиль, – так мягче звучит и, самое главное, дипломатичнее. А то приелись слова в обиходе. Нужно придумывать что-то внеобиходное, чтоб веселее было жить на свете.

– Теперь шопинг мы будем называть «жопинг», – весело продолжил Адам.

– Это точно, – засмеялся Шамиль. – Когда приеду домой, предложу своей подружке заняться жопингом.

Они, смеясь, хлопнули по ладоням друг друга.

– Это ты классно заметил, – сказал Адам, раззадоренный и дурманящим коньяком, и радостным настроением Шамиля, и великолепной музыкой, над созданием которой, казалось, старался не один творческий ум. – Твоё место всё-таки не в посольстве, а на танцполе, – подтрунивал он.

– Там мало платят.

Прежде чем закусить листьями салата, Шамиль высунул красноватый язык и положил их на него.

– Платят, может, и мало, но ты всех покоришь своим талантом, и деньги тебя сами найдут. Лимон есть?

– Посмотри в холодильнике.

Адам пошарил в утробе современного чуда техники, о котором могли лишь мечтать питекантропы и неандертальцы, и выудил оттуда аж целый лимон. Кое-как порезал его на дольки и разложил на тарелке. Сел на кухонный стол и положил ноги на табурет.

– Как насчёт свободного стаканчика?

Шамиль перелил водку из второго стакана в тот, что опорожнил, и поставил пустой стакан на стол рядом с Адамом.

– Курить хочешь? – развязно спросил Шамиль, хорошенько одурманенный алкоголем. – У меня «Парламент».

– Нет, – отрезал Адам, наливая себе коньяк. – Хватить портить здоровье. Лучше иногда баловаться дорогим коньяком или виски и наслаждаться их неповторимым вкусом без всякого курева. – Но другой голосок в его голове настойчиво стал твердить ему, чтобы он взял сигарету и закурил: «Закури, закури, от одной сигаретки ничего не случится».

– А ты эстет, – пришёл к нему языком Шамиль. – Я всё-таки выкурю одну.

– Я открою окно? – спросил Адам, стараясь заглушить внутренний голосок, настойчиво склонявший его закурить.

– Валяй. – Шамиль выхватил кончиками пальцев твёрдый фильтр из пачки и закурил.

Сделав глубокую затяжку, он выпустил колечками дым, который закружил в воздухе и тонкими струйками потянулся к открытой форточке.

Адам, изредка баловавшийся курением, со вчерашнего дня дал себе зарок никогда больше не притрагиваться к сигарете. Но как только запах табака дошёл до его обоняния, такой ароматный и пленяющий, он не выдержал и закурил.

– Сигарета как женщина. Когда сильно хочется, нельзя себе отказывать, а то хуже будет, – изрёк Шамиль.

– Ты не меньший эстет, чем я. Три затяжки – не больше. Считай, что не курил.

Другой голос возник дополнительно к тому, что склонял его к курению, и тихо прошептал: «Ну что, Адам, дал слабину, а ещё называешь себя сильным человеком. Коньяк и сигареты не лучшее решение для сильного человека». Впрочем, Адам снова изменил своему слову, утешая себя мыслью, что сигареты – это всего лишь баловство и что вдыхать дым он будет не в себя.

– За нас, за нас, за нас, – плюхнувшись в кресло возле кухонного стола, пропел Шамиль; они, подняв стаканы, выпили до дна и закусили дольками лимона. – Фу, кислятина, – зажмурившись, процедил Шамиль сквозь зубы. – Помнишь, я тебе рассказывал про одну татарку, с которой познакомился на сабантее?

– Помню. Как она?

– Сегодня мы целый день гуляли с ней.

– Кто «мы»?

– Я и мой приятель, ты его не знаешь. Он был знаком с ней раньше.

На покрытом румянцем лице Шамиля выделялось множество чёрных точек, которые оставались после бритья и были похожи на молотый перец, – весь этот внешний облик вызывал в сознании Адама ассоциацию с образом чертёнка, вылезшего из самого пекла ада. Не хватало только рожек.

Шамиль прыснул:

– В общем, мы ходили в один кабак, угощали её шашлыком и выпивкой. Ну и мой друг посчитал, что она должна нам отплатить.

– Понятно. Для чего ж ещё нужна девушка?

Адам встал на защиту женского пола, когда задал этот риторический вопрос, подразумевая под ним «разве дочери Евы созданы исключительно для того, чтобы усладить мужчин в сексе?».

– Представляешь, – безуспешно подавляя смех, Шамиль кончиком указательного пальца почесал переносицу, – этот дурачок напрямик предложил ей перепихнуться, а она вместо секса отблагодарила его звонкой пощёчиной и убежала. Где-нибудь на Кубе он кувыркался бы на койке с какой-нибудь мулаткой сколько душе угодно, но не здесь. Было очень смешно. Ты бы видел его перекошенную физиономию. Настоящая комедия.

– Она же не шлюха, правильно?

– Ага.

– Тогда какой реакции вы ожидали от неё? Нормальные девушки в первое свидание, да и в последующие тоже, вряд ли сподобятся на то, чтобы лечь в постель с малознакомым друшком, от которого прёт похотливым душком.

Шамиль хлопнул себя по коленке и загоготал пуще прежнего.

– Да-да, прямо в точку... Она не на шутку разозлилась и стала мне названивать и высказывать всё, что думает о нём. Как она его только не называла, – захлебываясь, повествовал он, – «похотливый пёс», «мерзавец», «скотина», «паршивец»...

Шамиль не успел договорить – на кухонном столе завибрировал сотовый.

– Это опять она, – вполголоса произнёс Шамиль, готовясь нажать кнопку принятия вызова. – Достала меня своими звонками. Очередной словесный понос придётся выслушивать.

Он сделал глубокую затяжку, затушил сигарету о стеклянную пепельницу и, выпустив из рта струю дыма, поднёс трубку к уху.

– Да?.. Ты не спишь?.. Я так и понял... С кем не бывает... Он сглупил... Конечно же я тебя поддерживаю... Естественно... Я ему высказал пару ласковых... Когда он выпивает, то мелет всякую чепуху... Не принимай близко к сердцу...

Шамиль отодвинул мобильный от уха и ладонью прикрыл панель телефона.

– Будешь разговаривать с ней? – шёпотом обратился он к Адаму.

– Я? – отозвался ошарашенный Адам. – Зачем?

– Ты умеешь грузить девушек. Поговори с ней, пожалуйста, – умолял Шамиль, протягивая ему телефон.

«С чего он решил, что я умею грузить девушек?»

Адам скривил губы, нехотя принимая у него сотовый и настраивая себя на то, чтобы героически выслушать всю накопившуюся боль оскорблённой девушки.

– Шамиль!.. – Адам отдернул трубку от уха: раздавшийся девичий голос был пропитан противными истерическими нотками. После чего вновь прислонил телефон к уху. – Он поступил некрасиво. А ты заодно с ним. Ты тоже хотел со мной переспать. Да, ты хотел это сделать, а иначе бы не дружил с ним. Вы оба это хотели проделать со мной!

– Послушай...

– Вы все такие парни! Я немножко опьянела, потеряла над собой контроль, и вы подумали, что можете меня затащить в постель.

– Я не он. Не надо всех чесать под одну гребёнку, – смело начал атаку Адам. – Я тебя предупреждал быть бдительнее с ним. Ты меня не послушала. Стала подыгрывать ему и нарвалась на то, что заслужила.

На другом конце трубки слышались какие-то щелчки, вскоре сменившиеся чьим-то бормотанием.

– Это ты Шамиль? – нервно спросила она.

– Конечно я.

– Что-то у тебя голос изменился.

– Выпивка даёт о себе знать. Ты разве не знала, что под воздействием алкоголя меняется голос, особенно когда разговариваешь с кем-то по телефону на другом конце линии, в данном случае с тобой? Поэтому извини уж, дорогая, что голос мой и вроде бы не мой, – спокойно, без волнения изрёк Адам, понимая, что несёт какую-то околесицу.

– Ты меня не обманываешь? Ты хорошо ко мне относишься? Я не из тех, кто лёгкого поведения. Как он смел предложить мне такое? Ах, я вынуждена прервать все отношения с мальчиками! Я думала, что среди вас есть нормальные, но, оказалось, я ошибалась. Теперь я долго не буду общаться с вами. Вам нельзя доверять. Я приличная девушка и не потерплю похабщины к себе. Ты поддерживаешь меня?

– Ну конечно. Я с тобой. Не переживай ты так. И среди парней есть хорошие.

– Он сейчас с тобой?

– Нет. – Адам переглянулся с приятелем и подмигнул ему. – Он у себя дома.

– Шамиль, это ты со мной разговариваешь?

– Я, я, я. – Адам показал язык Шамилю – тот прислонил ладонь к губам и залился приглушённым смехом. – Ты мне не веришь?

– Верю. А давай отрежем ему...

– Что?

– Нет, давай лучше побьём. Ты свяжешь его, а я буду изо всей силы лупить его руками и ногами, пока он не потеряет сознание. Я не шучу. Я собираюсь отомстить ему. Пускай знает, что с некоторыми девушками подобные шутки не проходят. Ты со мной?

Адама передёрнуло от такого заявления. Он отодвинул трубку от уха и шёпотом обратился к Шамилю:

– Она так обозлилась, что намеривается побить кое-кого.

Шамиль весело хлопнул себя по коленке и, сложив ладони в рупор, прошептал:

– Не хотел бы я попасть под её горячие руки.

– Нет уж. В этом я участия принимать не буду, – ответил Адам в трубку, будучи убеждённым в том, что Шамиль также отказался бы от этой сумасбродной затеи, и тут же протянул ему телефон и прошептал:

– Она точно не в себе. Разговаривай дальше с ней сам.

Шамиль вновь принял эстафету, погрузившись в вечное словоблудие о том, кто прав, кто виноват.

– Нет... Ты что?!. Нет, нет... Ни в коем случае...

То были последние слова, которые услышал Адам на пороге. Он решил удалиться тихо, по-английски.

Глава 9

Если принять во внимание низкий уровень жизни в Таджикистане и то, что бизнес в этом среднеазиатском государстве имеет шансы на стопроцентный успех при наличии прочных связей с государственной машиной, то Сафар занял достаточно правильную позицию, избрав профессию государственного служащего. Зарплата его оставляла желать лучшего (составляла не больше ста долларов в месяц), но зато маячила реальная перспектива стать какой-нибудь влиятельной шишкой. Трудился он не где-нибудь, а в Администрации таджикского президента, что гарантировало ему стабильность, карьерный рост и жалованье, пусть и маленькое. Он курировал связи со странами СНГ, включая Россию.

Сафар, прирождённый мафиози, как он сам себя называл, любил рассуждать на тему «коза ностра». Родиться бы ему где-нибудь в Палермо и быть крёстным отцом.

Знакомство Адама с Сафаром произошло во время саммита глав стран СНГ.

Президент России прибыл в Душанбе в самый разгар осени. Кортёж «мерседесов» с белосине-красными флажками и тёмно-синими мигалками под одобрителный свист душанбинцев промчался по улицам города.

Те деньки были самые жаркие для Адама и в смысле погоды, и в смысле обрушившихся на него дел по подготовке визита главы российского государства. Он был ответственен за размещение некоторых членов российской делегации в местной гостинице и их сопровождение в поездках по городу.

Он пробежался взглядом по списку гостей. По меньшей мере пятерых представителей российского МИДа предстояло ему взять под своё крылышко и заботиться о них как о близких членах семьи.

Он должен был узнать точное количество лиц, которых ему предстояло опекать. Ему дали телефон некоего Семёна Петрова, заведующего протоколом Администрации российского президента, который разместился в одной из местных гостиниц.

В трубке раздался грубый мужской голос, отпугнувший Адама, как мышонка от кота:

– Алло?

– Здравствуйте, мне нужно поговорить с Семёном Петровым, – неуверенно ответил Адам, испытывавший заметное волнение, так как на его памяти это был первый звонок в жизни высокопоставленному государственному мужу.

– Не с Семёном, – отреагировали стальным голосом, – а с Семёном Семёновичем...

Адаму на миг показалось, что по его уху провели острым лезвием.

После небольшого разговора у него остался неприятный осадок. Он полной грудью вдохнул и с силой выдохнул, чтобы поскорее забыть диалог, который прошёл в атмосфере, овеванной напускной важностью и собственным величием на другом конце трубки.

В паре с Адамом работал первый секретарь посольства, сорокалетний мужчина, закоренелый холостяк, которого подозревали в полном безразличии к женскому полу. Перхоть, белыми точками застилавшая его сальные редёющие волосы, быстро бегающие пороссячьи глазки и дряблое тело, спрятавшееся в жировых складках и постоянно извергавшее неприятный запах пота, – всё это вызывало антипатию к нему. К тому же было известно, что он являлся негласным информатором советника-посланника, поэтому Адам старался быть с ним начеку.

По причине гнусавого голоса, который нельзя было спутать ни с каким другим в посольстве, его за глаза называли Гнусом.

За руль служебной машины сел Гнус и безапелляционно заявил:

– Я поведу. Говорят, из тебя водитель никакой. Нам нельзя терять время. Они ждут нас. Нам надо спешить.

Адам равнодушно пожал плечами, однако в мыслях начав искать ответ на то, кто распустил слух о его неумелом вождении. Всё из-за того незначительного случая, о котором стали судачить вокруг: ехал, не рассчитал скорость, поздно нажал на педаль тормоза, и автомобиль слегка, совсем немножко «поцеловал» зад «неотложки». Водитель «скорой», с виду очень интеллигентный человек, выскочил, начал причитать, хвататься за голову, охать, ахать, плакаться: его же могут уволить с работы, а у него, бедняги, – большая семья, четверо деток. Адам стал уверять его в том, что за подобные случаи никого не увольняют, тем более вмятина была пустяковой, не влиявшей никоим образом на работоспособность «скорой» и не требовавшей дорогостоящего ремонта, и если её и заметят, то при пристальном внимании. Адам сунул ему двадцать сомони – тот сразу успокоился, словно ничего не случилось, сел в машину и уехал. Другое дело, сотрудники (главный бухгалтер – Евдокия Кондратьевна на переднем сидении, советник посольства – Тахир Хамидов и заведующая канцелярией – Антонина Ивановна на заднем), находившиеся в машине, перепугались до чёртиков – уж они-то, ехавшие в ресторан ужинать, точно не рассчитывали попасть в больницу или того хуже.

Выехав из посольства, Гнус так резко вдавил педаль акселератора, что голова Адама невольно дёрнулась назад. Адам всем телом вжался в сидение.

– Главная трасса, ведущая на *Рудаки*, перекрыта, поэтому будем следовать объездным путём, через район *Сино*, – раздражённо проговорил Гнус, обнажив неровный ряд зубов, покрытых желтоватым налётом.

Они мчались со скоростью девяноста километров в час, и Адам никак не мог понять, куда торопится его коллега. Он посмотрел на часы, выглядывавшие из-под манжеты его свежестиральной сорочки. Время показывало одиннадцать утра, а члены делегации просили за ними заехать в одиннадцать тридцать. У них в запасе оставалось полчаса.

– Если мы опоздаем и начальство узнает об этом, нам крышка. – Для пушей важности Гнус провёл указательным пальцем по шее. – Прежде всего, проблемы будут у тебя. Ты отвечаешь за размещение гостей, а не я. Меня прикрепили к тебе для поддержки.

Адам молчал и смотрел в боковое стекло, чтобы не видеть беспокойной физиономии Гнуса, который своим брюзжанием портил картину великолепного солнечного дня. Вдоль шоссе тянулась бесконечная полоса земли с выжженными солнцем травой и кустарниками и оттого приобретшими окрас, похожий на цвет верблюжьей кожи.

– Ты позвонил водителю? – не унимался Гнус.

– Какому?

– Ну, этому, как его там, кто будет возить наших гостей по городу.

– Да, он ждёт у отеля.

– К нему в машину все гости поместятся?

– Конечно. У него микроавтобус.

– Отлично. Приедем и припарку...

Гнус не успел договорить фразу: из кругового перекрёстка внезапно выскочил автомобиль, старая, изъеденная ржавчиной «Пятёрка». Столкновение было бы неизбежным, если бы Гнус вовремя не затормозил и не свернул вправо. Адама с силой ударило о боковое стекло, и он инстинктивно дотронулся рукой до виска. Его обдало холодным потом.

– Ты в порядке?

– Мы бы могли погибнуть, – злобно бросил Адам, с укоризной провожая «Пятёрку».

– Когда я за рулем, можешь ничего не бояться. – Гнус легонько стукнул себя в грудь, как бы приписывая уровень мастерского вождения в копилку своих только ему ведомых достижений.

Вскоре они подъехали по узкой однополосной дороге к светофору, где образовался длинный затор. Адам взглянул в зеркало заднего обзора и увидел мощный передок прижимающегося к ним джипа.

– Ты не был в Нигерии и не знаешь, какое там движение – ещё покруче душанбинского, – не без доли бахвальства заявил Гнус. – Я в Африке такого насмотрелся. Там аварии обычное явление. Вождение доставляет огромное наслаждение и напряжение – сидишь в автомобиле как на иголках. Такие манёвры проделывал, что тебе и не снилось. Я привык к опасностям на дорогах, и то, что сейчас произошло, не идёт ни в какое сравнение с африканским вариантом. Если хочешь острых ощущений, езжай в Лагос³. С твоей ездой как раз там тебе место. Собыёшь парочку негров, затем с чувством выполненного долга вернёшься на родину.

– Ты за кого меня принимаешь?

– Их там как собак нерезаных, – не унимался Гнус. – Они сами ложатся под автомобили. К тому же эти безмозглые гориллы берут в руки наши «калашниковы», объединяются в группировки и мочат друг друга, а потом пачками сбрасывают трупы в океан на съедение рыбкам. – Последняя часть предложения вылетала из уст Гнуса спокойно, насмешливо, словно он говорил о чём-то повседневном.

Пробка не рассасывалась, и Гнус, сменив тему, вспылал:

– Когда они разъедутся, мать их за ногу?!

Неожиданно он выжал сцепление, до отказа вывернул рулевое колесо и вдавил педаль газа, покрышки бешено взвизгнули. Машина рванулась, выехав на встречную полосу, откуда на них раздолбанной мордой разгонялся «БМВ» производства конца восьмидесятых. Реакции Гнуса можно было позавидовать, он ударил по тормозам и крутанул руль вправо, успев втиснуться в образовавшееся свободное место между машинами. Водитель «немца», мужчина в тюбетейке, ударил по клаксону, звук которого лишь добавил нервозности в напряжённую атмосферу, и возмущённо покрутил пальцем у виска.

Адам с облегчением выдохнул и вытер платком взмокший лоб.

– Мы куда-то спешим?

– Мы можем вообще плестись – и тогда ты никуда не успеешь, а завтра будешь отчитываться перед советником-посланником.

Адам хотел было послать его куда подальше с этой спешкой, но вовремя сдержался.

– Я ему не подчиняюсь.

– Может, ты ему и не подчиняешься, но советник-посланник назначен главным на время саммита, – Гнус властно ткнул в Адама пальцем, – поэтому он спросит с тебя непосредственно, минуя твоего начальника.

Гнус, который всю свою жизнь проработал в МИДовских коридорах, ходил в любимчиках у второго лица посольства и всякий раз по поводу и без повода хотел выслужиться перед ним.

Пробка рассосалась, и они свернули на проспект *Рудаки* – гордость Душанбе, федеральную дорогу, ровную и ухоженную, по которой ежедневно передвигался таджикский президент со своей свитой. Проспект был обсажен с обеих сторон высоченными деревьями с толстыми стволами. К нему примыкали второстепенные улицы, разбегавшиеся, словно побеги растения, на улочки и переулки.

Адам кинул взгляд на приборную панель. Стрелка спидометра колебалась на отметке между сорока и пятидесятью километров в час: скорость более пятидесяти не допускалась на федеральной дороге. Они проехали мимо милиционера с дубинкой в руке, явившегося абсолютной копией российского сотрудника ГИБДД, и дорожного знака ограничения скорости, притормозили и остановились перед «зеброй», ожидая, пока через неё пройдут пешеходы, в шесть-семь человек скопившиеся по обе стороны дороги. Гнус чертыхнулся и вновь рванул с места.

Они проехали мимо Администрации таджикского президента, занимавшей внушительную территорию, и прозрачных витрин фирменного магазина «Адидас», ютившегося в «хру-

³ Бывшая столица Нигерии.

щёвке». Миновав местный ЦУМ – аналог московского ЦУМа, однако заметно уступавший последнему по архитектурным меркам и количеству и качеству продаваемых товаров, они свернули на перекрёстке налево и, промчавшись мимо обшарпанного здания Гостелерадио, повернули направо, на улицу *Boxtar*, тянувшуюся параллельно проспекту *Рудаки*. То была одна из фешенебельных улиц города, где располагались пятизвёздочные отели с современными офисами, строилось стильное жилье для толстосумов и находился ирландский паб, который оживал по вечерам благодаря иностранцам, собиравшимся там шумными компаниями в три-четыре человека.

Они остановились напротив гламурного комплекса «Вефа Центр» и вышли наружу. Блики яркого солнца радостно играли на современном высотном здании, которое вытянулось на целых двенадцать этажей и олицетворяло собой живой бизнес-центр, где можно было встретить вечно занятых дядечек-бизнесменов и международных чиновников, непрерывно разговаривавших по сотовому телефону.

Адам и Гнус прошли через стеклянные автоматические двери, поздоровались с секьюрити и остановились у «ресепшн».

– Поднимайся к их главному и сообщи, что мы приехали, – распорядился Гнус.

– Он сказал, чтоб мы их ждали на первом этаже.

– Ну, смотри. – Гнус властно помахал пальцем. – Если он так сказал, тогда подождём их тут. Не забудь, ты отвечаешь за них.

В глубине отделанного мрамором холла тянуло приятной прохладой. Запыхавшийся Гнус плюхнулся на кожаный диван, пятернёй смахнул с лоснящегося лба бисеринки пота, схватил со столика местную газету и с безучастным выражением лица принялся листать её.

Адам подступил к регистрационной стойке, возле которой стоял, согнув плечи, администратор, высокий парень, лет двадцати четырёх, с правильными чертами лица. Тот что-то отмечал в журнале.

– Ас-саляму алейкум! Как дела?

Администратор отвлёкся от журнала и смерил Адама изучающим взглядом; глаза у него были добрые. Он приветливо улыбнулся.

– Уа-алейкум ас-салям! Спасибо, нормально. Мы вчера с вами пересекались, да?

– Ага, разведывал ситуацию в отеле.

— Кого-то ждёте?

– Российских делегатов.

– Это тех, кто прибыл на саммит?

– Да. Я из российского посольства. Меня зовут Адам.

– Меня – Махмуд.

Ребята обменялись крепким рукопожатием. Махмуд наклонился через стойку так, что его губы оказались у мочки уха Адама, и заговорщически прошептал:

– Они вчера вечером отправились посмотреть наш город. По моим подсчётам, их прогулка растянулась часа на три. Когда вернулись в гостиницу, я их не узнал. Женщина смеялась так звонко, что запросто могла разбудить полгостиницы. Сказала, что забыла дорогу в номер, и попросила сопроводить её. Двое мужчин тащили третьего под мышки; тот был никакой и что-то мямлил, голова его свисала набок. Я заметил, что лицо у него необычайно красное. Думал, подрался с кем-нибудь. Решил удостовериться: пошёл их провожать и в лифте внимательнее изучил его лицо – никаких синяков и кровоподтёков. Но зато от всех четверых прилично разило спиртным.

«А где же был пятый?» – спросил про себя Адам и, кроме того, подумал, с какой стати этот парень, видя его второй раз в жизни, выкладывает ему такие подробности, а вслух произнёс:

– Ты хорошо говоришь по-русски.

– Спасибо, в нашей гостинице все служащие отлично владеют русским.

– Где учился?

– В Российско-Славянском университете, – ответил Махмуд и шёпотом продолжил: – Когда я вернулся в лифт, там стоял тошнотворный запах. Я посмотрел в угол и увидел там содержимое чьего-то желудка. Кого-то вывернуло наизнанку...

– Это случайно не наша четвёрка отличилась? – перебил Адам.

Махмуд пожал плечами.

– Меня не было десять минут на «ресепшн», и в моё отсутствие вполне кто-нибудь мог проскочить. Вчера, кроме ваших, много других гостей понаехало. Возможно, кто-то из них наследил.

– Ясно.

– Я спустился на первый этаж, взял дезодорант и побрызгал в кабине лифта. Пришлось поработать уборщиком. Правда, за это не доплачивают.

– И часто выкидывают подобные штучки?

– Нет, за мою практику – первый раз.

– Можно было бы провести экспертизу, глядишь, вышли бы на виновника, – пошутил Адам.

– Да-да. – Махмуд хлопнул в ладоши и засмеялся.

Адам посмотрел на часы: было ровно одиннадцать тридцать.

– Адам, поднимайся вверх и посмотри, что они там делают, – фыркнул Гнус.

– Махмуд, подскажи-ка мне номер Андрея Молько.

Администратор сверился с журналом регистрации и назвал комнату.

Адам поспешил к скоростному лифту, контрольная панель которого мигала быстро сменявшимися цифрами: 6, 5, 4, 3, 2, 1.

Дверцы лифта распахнулись – перед ним появился знакомый портье, любезно помогавший накануне переносить чемоданы гостей.

– О, привет, Адам!

– Здорово, Ильдар! – Адам задержал ногой створку лифта.

– Как чувствуешь себя после вчерашнего?

– Нормально. Мы с тобой не пили, а всего лишь пригубили.

Накануне они тайком заглянули в один двухместный номер, обставленный роскошной мебелью. Зашли в просторную комнату, где в глаза бросился столик из красного дерева, на котором лежали большая хрустальная ваза, украшенная горкой фруктов из яблок, груш и винограда, и ваза поменьше с миндалем и изюмом. Ильдар, словно полноправный хозяин, уверенно достал из холодильника непечатую бутылку с водкой. Затем проворно вытащил из буфета пару стаканов из-под виски и опытным взглядом плеснул в них жидкости ровно на четверть. Они чокнулись и выпили за знакомство, закусив миндалём. Ильдар быстренько сполоснул стаканы, и они тихо ретировались.

– Хорошо всё-таки работать портье в дорогом пятизвёздочном отеле: новые люди, новые знакомства, а когда хочешь расслабиться, идёшь в номер и наливаешь.

– Тебя могут подловить на этом деле, – предположил Адам.

– В таком случае я достану из шкафа второй стакан, налью и предложу выпить за здоровье.

– Оригинально. – Адам рассмеялся.

Тем временем мужчина в тёмно-синем полосатом костюме, по-видимому, иностранец, нырнул в кабину лифта, подозрительно оглядев с ног до головы беседующих молодых людей.

– А что здесь такого? – не сдавался Ильдар. – Здоровье – это святое.

– Let’s go⁴, – встрял чужой голос, принадлежавший иностранцу, который небрежно покоился на ногу Адама, державшую створку лифта.

– Ладно, увидимся, – сказал Адам и вошёл в кабинку, поравнявшись с женщиной. – Sorry⁵.

Внутри пахло приторной смесью мужских и женских духов. Адам поднял глаза и встретился взглядом с иностранцем. У мужчины поверх сорочки свисали на цепочке элегантные очки в позолоченной оправе. Судя по выражению его лица, напоминавшего подпорченный персик и резко контрастировавшего с помпезным ярко-красным галстуком, иностранец был чем-то озабочен. Когда лифт остановился на шестом этаже, мужчина вышел из кабинки, оставив после себя шлейф так и не разгаданных Адамом мыслей.

Адам поднялся на предпоследний этаж и прошёл по пушистому ковру, который создавал в гостинице ещё больший уют. Оказавшись у двери в номер, он позвонил. *Дзынь-дзынь-дзынь*. Не открыли. Вновь позвонил. *Дзынь-дзынь-дзынь*. Внутри слышалось шуршание. Дверь отворилась, и перед ним предстал толстый мужчина с зачёсанными назад мокрыми волосами; на нём были одни шорты, а обут он был в пляжные шлёпанцы.

– Андрей?

Толстяк едва заметно кивнул.

Резкий запах перегара, ударивший Адаму в лицо, мог бы показаться ему неожиданным, если бы не был заранее ожидаемым ввиду увлекательного рассказа Махмуда.

– Меня зовут Адам, я из российского посольства. Мы сегодня утром общались по телефону. Машина ждёт. Вы просили заехать в одиннадцать тридцать.

– Да-да, конечно. – Толстяк натянул на лицо формальную улыбку и сонным, вялым голосом, таким же, каким разговаривал с Адамом по телефону, пробубнил: – Мы очень устали с дороги. Выделите нам дополнительно пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок.

– Нет проблем, – сказал свою фирменную фразу Адам, – мы вас подождём.

Ильдар и Махмуд о чём-то беседовали, когда он возвращался к «ресепшн»; диван, где сидел Гнус, пустовал. В кармане его пиджака заверещал мобильный.

– Да, слушаю?

На том конце трубки раздавались потрескивания, смешанные с детскими голосами.

– Адам! – рявкнул Гнус. – Я отъехал. Меня советник-посланник вызвал по срочному делу. Ты остался за главного. Смотри не подведи.

– Всё будет нормально, – ответил Адам.

Но его спокойный тон не убедил Гнуса, и тот напористо продолжил у него выпытывать:

– Ты был у Молько? Что он сказал?

– Чтоб мы их чуть-чуть подождали.

– А-а! Ну, действуй по обстоятельствам.

В телефоне слышались быстрые гудки. Гнус отключился первый. «Станный он какой-то», – подумал Адам. Тот, видимо, собирался дать ему пару важных наставлений, но потом то ли передумал, то ли случайно нажал на кнопку отбоя.

– Что обсуждаете? – спросил Адам у ребят, пряча мобильный в карман.

– Ильдар собирается ехать в Штаты, – ответил Махмуд.

– Да, а что? – оживлённо вставил Ильдар. – Я хочу продолжить обучение за границей. Затем устроюсь в какой-нибудь респектабельный отель Нью-Йорка и сделаю карьеру, стану президентом крупной сети международных отелей.

«Вот он – среднеазиатский захватчик американского мегаполиса. Всеми фибрами души хочет запечатлеть своё имя на аллее славы», – подумал Адам, а вслух произнёс:

⁴ Едем (англ.).

⁵ Извините (англ.).

– Крутой ты парень, Ильдар.

– Крутые бывают яйца, а я всего лишь хочу стать у руля преуспевающей компании.

– Справедливо. Мы молодые, у нас всё впереди, – подбодрил его Адам и похлопал по плечу.

Он предупредил водителя микроавтобуса, дородного мужчину с миниатюрной лысиной на затылке, о незапланированной задержке. Тот деловито сообщил, что будет ждать столько, сколько потребуется. Задержка никоим образом не повлияет на его зарплату, поэтому для него не имеет никакого значения – возить гостей по городу или дежурить у гостиницы.

Андрей Молько с важным видом появился не через пятнадцать минут, как обещал, а через сорок пять в сопровождении женщины, по-видимому, своей коллеги. За всё время, что Адам находился в отеле, пока ожидал Андрея, он успел познакомиться с метрдотелем и официантами ресторана и выпить две чашки кофе по-кенийски для поддержания тонуса.

– Этих людей ты видел вчера вечером? – полусшёпотом спросил он у Махмуда, переводя взгляд с него на приближающуюся пару.

– Нет. Там были все худые. А эти двое – полные, с ними были трое мужчин, если память не изменяет, – все пятеро выходили на прогулку, но по возвращении вели себя пристойно.

– Хорошо, пойду я. Увидимся позже.

Адам обратился к Андрею:

– А где остальные?

– Они решили остаться в номере. Поедемте без них.

Андрея и его спутницу интересовал рынок, где можно было купить арбузы, дыни-торпеды и гранат. Адам дал команду водителю отвезти их на Зелёный базар, располагавшийся в самом центре города, вблизи от кассы по продаже авиабилетов. То считался самым дорогим городским рынком, где продавались отборные фрукты и овощи.

Базар был обнесён решётчато-чугунным забором. Когда они подъезжали к парковке, худощавый мальчуган в помятой футболке, истёртых до дыр пыльных джинсах, заданных чуть выше колен, и в стоптанных кроссовках выступил регулировщиком. Встав впереди микроавтобуса, у края бордюра, он начал активно размахивать руками, скорее мешая водителю, чем помогая. Водитель раздражённо высунул голову из окошка и по-таджикски рявкнул на него. Мальчишка отпрянул, и микроавтобус в ту же секунду уткнулся колёсами в бровку тротуара.

Адам выпрыгнул первым, затем из душного чрева микроавтобуса наружу выбралась женщина, а вслед за ней, тяжело дыша, вылез Андрей Молько.

Адам сунул мальчишке мелочёвку, и тот, довольный, поспешил встречать другие автомобили.

Адам с Андреем и женщиной пересёк дорогу, заставленную с обеих сторон длинными шеренгами автомобилей, и засеменял по направлению к воротам, ведущим в глубь многолюдного базара.

Они протискивались мимо шумных рядов торговцев. Вокруг раздавались громкие мужские и женские голоса с местным акцентом:

– Эй, молодые люди, дыни недорого!

– Подходим, покупаем виноград! Сладкий, вкусный виноград!

– Арбузы сахарные! Не проходите мимо!

Они обогнули несколько лавок и очутились под высокими сводами, защищавшими торговцев от палящего солнца. Здание рынка было без восточного орнамента и представляло собой обычное сооружение, которое материализовалось благодаря идее ординарного архитектора.

Мальчишки с чумазыми ртами, усердно двигавшие перед собой глубокие тележки на колёсиках, сразу же окружили Адама и его спутников и, хватая поочередно за запястья то

Адама, то Андрея Молько, то женщину, стали умоляюще предлагать свои услуги по перевозке овощей и фруктов.

Прилавки были завалены спелыми грушами, яблоками, дынями, арбузами, персиками, абрикосами, лимонами, виноградом и гранатом, создававшими для глаз иностранцев иллюстрацию богатого на фрукты среднеазиатского царства.

Адам заметил знакомого торговца, рослого сухощавого мужчину, у которого время от времени покупал фрукты. Тот приветливо махнул ему рукой.

– Ас-салям алейкум, Хабиб!

– Уа-алейкум ас-салям, Адам!

– Чем нас порадуешь сегодня?

– Всем чем угодно. У меня есть всё, что пожелает человек, – от сладкого винограда до сахарного арбуза.

Хабиб с видимым любопытством скользнул взглядом по приезжим.

– Давай сделаем так, Хабиб. Мы покупаем у тебя гранат большими партиями, а ты нам делаешь скидку на двадцать процентов, пойдёт?

– Сколько хотите брать?

Адам вопросительно посмотрел на Андрея. Тот ответил моментально, словно много раз совершал подобные покупки:

– Пять коробок с гранатом, но чтоб было не более восьми гранат в одной коробке, пять арбузов и пять дынь-торпед.

Нижняя губа Хабиба напозла на верхнюю, и лицо его приняло задумчивое выражение. Глаза у него засверкали блеском опытного торговца.

– Скидку сделаю на десять процентов.

– Так не пойдёт, Хабиб.

– Хорошо. Двенадцать с половиной.

– Нет, Хабиб. Это мои гости, которые приехали посмотреть город и заодно заглянуть на рынок. Завтра мы поедем на другой базар, у нас много времени.

Адам повернулся к своим новым знакомым и сделал жест головой, означавший не что иное, как потерю для Хабиба состоятельных клиентов, а вместе с ними – и прибыли.

На самом деле для Адама проценты, на которые он торговался, не играли никакой роли. Двадцать процентов или десять – какая разница! Ему просто нравилось торговаться, обмениваться восклицательными репликами и жестами, без которых не обходилась нормальная торговля на базаре.

– Эй, постойте! Куда вы? Ну, хорошо, пятнадцать.

– Хабиб, двадцать, и точка. Мы у тебя не один гранат берём, – железно произнёс Адам.

Торговец на мгновение застыл и, махнув рукой, пролетевшей над разноцветными горками фруктов, сдался.

– Эх, что не сделаешь для друзей! По рукам. Давайте выбирать фрукты.

– У вас валюта в сомони? – поинтересовался Адам у Андрея.

– Нет. А он доллары не принимает?

Хабиб, услышав вопрос, отрицательно помахал головой.

– Нет, уважаемый. У меня расчёты только в сомони.

– Давайте мне доллары, я сбегая в обменный пункт, – предложил Адам. – Он тут рядом, за углом. А вы пока отбирайте фрукты.

– Двести долларов хватит? – спросил Андрей, подозрительно оглядываясь по сторонам и осторожно вытаскивая из борсетки тонкую пачку купюр, перетянутую резинкой.

– Конечно.

Молько отсчитал несколько зелёных бумажек, протянул их ему и быстро сунул деньги в борсетку, плотно прижимая её к животу. Адам растворился в бурлящей толпе, обменял валюту и вернулся.

Хабиб со свойственной ему искусностью сумел навязать Андрею и его спутнице за дополнительную плату по три килограмма миндаля и грецкого ореха, бодро расписав их полезные для организма качества и не забыв упомянуть о том, что таких орешков более не отыскать ни в каком другом царстве-государстве.

Аккуратно погрузив покупки в тележку одного из крутившихся поблизости мальчишек, Адам и делегаты саммита пошагали к выходу.

– Заходите ещё! – раздалось им вслед.

Адам обернулся и залюбовался тем, как Хабиб тщательно пересчитывает каждый сомони смоченными слюной пальцами. После чего повернулся к своим спутникам и поспешил к ним.

Ближе к вечеру Адам появился в гостинице «Вефа Центр». Махмуда сменила какая-то девушка, угрюмая дурнушка. Она смерила Адама безразличным взглядом и, сгорбившись, снова уткнулась в какую-то книжку.

Он поднялся по лестнице на третий этаж и очутился в бутике, который ничуть не уступал по интерьеру дорогим европейским бутикам.

Фирменный магазин располагался напротив ресторана, где Адам побывал утром. Он поздоровался с тремя миловидными девушками-консультантами в светлой униформе и пошагал по гладкому паркетному полу в дальний конец зала вдоль стеллажей с аккуратно разложенными джемперками, блузками, сорочками, футболками и джинсами, чувствуя, как ему в спину устремлены три пары любопытных женских глаз. Он подступил к шкафу-стенке, в котором висели пальто. Разбирающемуся в моде взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что под воротниками прятались всемирно известные лейблы и стояли они недёшево.

– Молодой человек, вам подсказать что-нибудь?

Адам обернулся вполоборота – одна из девушек-консультантов с миндалевидными глазами подарила ему обворожительную улыбку.

– Пока нет. Я вас позову, если понадобится ваша помощь, – ответил он с не менее обворожительной улыбкой.

– Как скажете. – Она, поджав губки, скрестила пальцы рук за спиной и, завораживающе покачивая бёдрами, стала прохаживаться взад-вперёд.

Он остановил свой взгляд у рукава пальто, которое было зажато другими пальто в середине ряда. Стащил его с вешалки и на внутреннем кармане увидел нашивку с надписью *Ermenegildo Zegna*. Размер L. Он уже точно знал, что приобретёт его. На ценнике чётким почерком была прописана пятизначная цифра в таджикской валюте. Адам прикинул в уме – получалось что-то около двух тысяч пятисот долларов.

Он снял пиджак, положил его на скамью и подступил к трюмо, которое находилось по соседству с примерочной. Пальто из стопроцентной шерсти, приталенное, с разрезом сзади, село на нём идеально. Адам опустил на короточки – нигде не стягивало. Встал. В нём он ощущал себя комфортно и был похож на красивую модель, сошедшую с обложки гламурного журнала.

– Девчонки! – Адам кинул взгляд на них. – Как оно мне? Идёт?

Ответа не пришлось долго ждать – он прозвучал мелодией из женских уст:

– Замечательно! Оно великолепно!

Адам возжелал станцевать танго в этом минидворце, залитом огнём потолочных лампочек, взять за руку одну из красавиц и подчинить её себе, сделав ведомой. Не хватало только подходящей музыки.

– Я покупаю это пальто, – объявил он во всеуслышание и, не снимая его, подскочил к кассовому аппарату.

– Карточкой оплатите или наличными? – живо спросила одна из девушек.

– Наличными. А можно долларами?

– Да, конечно.

Адам прислонил указательный палец к губе, вспомнив, что необходимой суммы у него нет с собой, и лицо его приняло задумчивое выражение.

– Я заплачу завтра. Вы отложите пальто? – Он снял пальто и аккуратно положил его на столик рядом с кассовым аппаратом.

– Минуточку, я узнаю.

Девушка с миндалевидными глазами скрылась за дверью, ведущей в комнату для персонала.

Адам подступил к стеклянной витрине, где красовались дорогие швейцарские часы разных марок, и стал их разглядывать с видом знатока.

Внезапно позади него раздался мужской голос. Он повернулся и увидел упитанного юношу лет девятнадцати, который был облачён во всё модное: сорочку с запонками, потёртые синие джинсы и замшевые мокасины.

Юноша был скорее похож на немца, нежели на таджика, но такое сходство дипломата не удивило: Адам и прежде встречал светлокожих таджиков и таджичек с голубыми глазами. Этому найдено логическое объяснение: таджики, принадлежащие к персо-язычной группе народов, происходят от индоевропейцев. Стало быть, они имеют естественное право на такой же цвет кожи и глаз, как у немцев.

– Вы хотите купить пальто, но у вас с собой нет денег? – с беззаботным выражением лица спросил юноша.

– Да.

– А завтра вы сюда приедете?

– Приеду. Оно мне понравилось, я обязательно его куплю.

Юноша немедленно распорядился запаковать и отложить пальто.

Адам ликовал.

– Кофе или чаю не желаете?

– Давай на «ты» перейдем.

– Давай. Так тебе чай или кофе?

– Зелёный есть?

– Принесите мне кофе, а нашему гостю – зелёный чай, – попросил он девушек. – Меня зовут Парвиз.

– Меня – Адам.

Парвиз провёл Адама к круглому стеклянному столику, стоявшему в квадратном холле возле стеллажей с нижним бельём – мужским и женским.

Юноша принадлежал к золотой молодёжи Душанбе. Днём он учился в местном институте коммерции, а вечером подсчитывал выручку в отцовском бутике. Он жил неподалеку от Администрации президента, на проспекте *Рудаки*. У него было достаточно денег, чтобы тратить их на хорошую еду, красивую одежду и клубный отдых.

Его отец был в ладах с властью и являл собой преуспевающего бизнесмена, сколотившего первый капитал в начале девяностых годов, когда во всём бывшем Союзе царили хаос и военные конфликты. В собственности у него помимо коммерческой недвижимости было два мод-

ных бутика, а в дальнейшем он собирался расширить сферу своих интересов – вложить деньги в развивающийся крупными темпами строительный и ресторанный бизнес.

– Да, Парвиз, классный у твоего отца магазин, – сладким голосом произнёс Адам, откинувшись на спинку кожаного кресла. – Мне бы такой. Нанял бы парочку симпатичных продавщиц и навещался бы туда иногда, чаёвничал бы с ними, утопая в мягких креслах.

Парвиз грыз ноготь на большом пальце правой руки.

– Тебе быстро надоеет так проводить время, – тоном сытого и довольного жизнью человека сказал он. – Я на автопилоте приезжаю сюда. Делать особо нечего, покупателей можно по пальцам пересчитать. Сегодня я с утра здесь. За целый день был ты и ещё двое клиентов.

– Неудивительно. У вас цены-то ломовые. Откуда у здешних людей такие деньги?

– Мы открыли бутик преимущественно для иностранцев. – Парвиз принялся зубами укорачивать ноготь на указательном пальце. – Наши даже реально богатые люди, которые разъезжают на нескольких дорогих иномарках и имеют роскошные дома, не позволят себе выбросить две штуки с лишним баксов за пальто.

– Оно же европейского пошива. Его будут покупать европейцы да американцы. В таком пальто я практически никого не видел здесь. – Адам огляделся: вокруг белели трусы, майки и лифчики. – Может, мне пару трусов приобрести, как думаешь?

– Неплохая идея, – засмеялся Парвиз. – Скупи хоть весь магазин. Отец и я от этого точно не будем в убытке.

– Вы где покупаете, – Адам обвёл рукой пространство, – товары?

– У отца налаженные связи с Италией и Швейцарией. Он туда постоянно отправляется и закупает одежду и часы.

– Пальто, которое мне понравилось, не подделка?

– Конечно нет. – На лице Парвиза мелькнула кривая усмешка. – Всё, что здесь находится, привезено из Европы и имеет соответствующий сертификат качества. Могу показать.

– Да зачем мне этот сертификат? – Адам раскинулся в кресле, чувствуя себя как дома. – Эй, девчонки, присоединяйтесь к нам, что вы там стоите как бедные овечки?

– Мы работаем, – сказали они в один голос. – Если Парвиз позволит...

Сын хозяина утвердительно покачал головой и тоном, не терпящим пререканий, проговорил:

– Идите сюда. Сладости возьмите.

Девушки принесли пачку шоколадных конфет «Коркунов», продававшихся в большом количестве в местных супермаркетах, и уселись за столик – места хватило всем.

– Я отойду, – сказал Парвиз. – А вы, – обратился он к девушкам, – веселите нашего друга.

Продавщицы вынуждены были работать целыми днями и успевать учиться. В отличие от Парвиза, сына богатого отца-купца, они были из обычных местных семей, совокупный ежемесячный доход которых колебался на отметке трёхсот-четырёхсот долларов. И нынешняя работа, обеспечивавшая им дополнительный заработок, который они могли частично потратить на себя, вполне удовлетворяла девушек: не каждому в Душанбе выпадет шанс получить непильную работу в дорогом бутике, который располагается в фешенебельном бизнес-отеле.

Неожиданно их разговор прервал вошедший черноволосый парень, такого же возраста, что и Адам, практически такого же с ним роста, может, чуточку меньше, с такой же стройной талией, как у него. Цвет кожи посетителя отличался смуглостью, что роднило его с местными краями и подчёркивало в нём человека, для которого жара и солнце – два очень близких друга. Обе его руки покоились в карманах брюк. Вид у него был представительный: он был одет в деловой костюм с галстуком. Вальяжной походкой он неспешно направился вдоль стеллажей, окидывая взглядом блестящие витрины.

Девушки попросили извинения у Адама и заторопились к новому клиенту – потенциальному покупателю.

Затем появился метрдотель, с которым Адам успел познакомиться. Облачённый в белую рубашку с чёрной бабочкой вместо галстука, метрдотель просеменил за первым визитёром и окликнул:

– Сафар!

Тот обернулся и, воскликнув «Анвар!», на лету поймал своей ладонью ладонь метрдотеля. Они обнялись. За столь сердечным приветствием скрывались, по всей видимости, долгие годы разлуки. В течение некоторого времени они что-то бурно обсуждали, а потом пошлагали к столику, где сидел Адам Иванов.

Сафар рассказал, что начальство отправило его дежурить в гостиницу, оказывая таким образом гостеприимство в отношении делегатов саммита и соблюдая правила дипломатического этикета.

У Адама сложилось ощущение, будто он тысячу лет знает Сафара: обоюдная дружеская симпатия возникла с первого момента знакомства, много общего у них прослеживалось как во внешнем облике, так и во взглядах. Он предложил отужинать в ресторане и отметить свою будущую покупку.

Было ровно 00.00, когда они вышли после ужина из ресторана. Их встретила прохладная ночь, совсем не похожая на жаркий день. Улицы поражали отсутствием шума, вблизи не было ни души. «Вот она, восточная ночная сказка во всей своей красе», – размышлял Адам, чувствуя лёгкий щекочущий ветерок, проникающий сквозь тонкий костюм. Запрокинув голову, он взглянул на небо и увидел, как неким таинственным образом мерцали мириады звёзд, вырисовывавших фигуру неведомого космического зверя. Мыслями Адам коснулся не менее таинственного образа Даши: «Что она делает в далёкой Москве? Чем занимается? Работает или отдыхает? Я здесь, она там».

На дальнем конце улицы темноту прошили снопы фар автомобиля, приближавшегося к гостинице. Это было такси. Из него вышли трое мужчин в костюмах. Они стали подниматься по ступенькам, в одном из них Адам узнал Андрея Молько, который ограничился формальным кивком в его сторону, а двое других прошагали мимо, не обратив на ребят никакого внимания.

– Знаешь, Сафар, что я думаю? Вот мы дежури́м с тобой в этой гостинице. Я представляю российскую сторону, ты – таджикскую. Мы стоим на ступеньках отеля, сейчас пойдём на второй этаж, в административный штаб, переночуем на стульях, как два полицейских, которые всегда должны быть на стрёме. Завтра проснёмся – и всё заново завертится по кругу. А ради чего всё это?

– Я сам не понимаю, Адам. Ты можешь не поверить, но я тоже задавал себе этот вопрос.

– Я чувствую себя червяком, который никому не нужен в огромном мире.

– Да, – согласно кивнул Сафар, – это верно подмечено. Люди из такси были ваши?

– Ага. Самое интересное, что в лицо меня знает лишь один толстяк. Двое других вообще не имеют представления о том, кто я такой и для чего я здесь.

– Я тебя понимаю. Хочешь сказать: то, чем мы в данный момент занимаемся, не ценится?

– У нас бессмысленное занятие. Если у кого-то из делегатов не дай бог случится сердечный приступ, я ничем не смогу помочь. Я не врач. Максимум, что я смогу сделать, это вызвать «скорую».

– Нет слов. Верно говоришь. Не думай об этом. Было бы тяжелее тебе одному дежурить, а вдвоём всё-таки легче и веселее.

– Это точно.

– Спасибо тебе за ужин.

– Да не за что. – Адам взялся за лацканы пиджака, придав воротнику стоячую форму, защищавшую от ветра. – Пойдём в отель, а то я начинаю потихоньку замерзать.

– Я тоже.

И они зашагали в гостиницу.

Глава 10

Начало мартовских дней, когда сердце преисполняется романтизма.

Вечер.

Рабочий кабинет.

Компьютер включён и высвечивает картинку Windows, на которой изображены файлы и папки. В течение последних двух недель у Адама не находилось ни одной свободной минуты, чтобы просмотреть свою электронную почту.

Выжатый как лимон после окончания приёма посетителей, Адам вошёл в интернет и набрал адрес почты, в которой успело накопиться с десятков писем. Половина из них оказалась спам-рассылкой. Неожиданно его взгляд наткнулся на три письма от конкретного пользователя по имени Вера Степанова. Он щёлкнул «мышкой» по одному из них, и перед его взором предстали следующие строки:

От кого: Вера

Кому: Адам

Тема: Привет

Привет, как дела? Ты где находишься? Напиши мне. Очень интересно. Целую, обнимаю, крепко-крепко. Пока.

Сердце его изменило ритм – оно едва не вырвалось из груди, начав бешено стучаться. Не теряя ни секунды, он открыл второе письмо. Оно датировалось четырьмя днями позже.

От кого: Вера

Кому: Адам

Тема: <Без темы>

Привет. Скоро приеду в твою тёплую страну за порцией витамина D. Шутка – насчёт витамина. В командировку. Не знаю, с чего Белла Андреевна, мой Boss, решила отправить меня. Надеюсь оправдать её доверие. Жалко, что свадьбу своей подруги пропущу, хотя программа весьма банальная (ЗАГС, Воробьёвы горы... брачная ночь), невелика потеря, зато с тобой встречу. Да, кстати, наверняка тебе рассказали... Не бери в голову, всё образуется. Я тебе всё при встрече объясню, это недоразумение какое-то. Ну, ладно, у меня глаза слипаются. Очень хочется спать. Пока.

Затем – третье письмо, датированное тремя днями позже.

От кого: Вера

Кому: Адам

Тема: Хотя бы напиши, чтоб я тебя не доставала

Так, у меня два варианта:

1. Ты не проверяешь почту.

2. Игнорируешь мои письма.

Наверняка ты обижен на меня. Я действительно сглупила, но с кем не бывает. Вполне вероятно, что меня обогнали. Я очень хочу с тобой поговорить. Да, кстати, моя командировка отменяется, решили отправить другого человека. А я уже пофантазировала, на что свои командировочные потрачу. Расстроилась маленько, но вспомнила свадьбу (про которую писала в предыдущем письме). Я тебе потом фотки отправлю.

Если не хочешь мне писать, хотя бы подтверди, что прочитал. А то я не знаю, тебе ли пишу. Мне Таня дала твой адрес. Такое ощущение, что она меня жестоко обманула. Надеюсь, это не так.

Ну, ладно, в 15 часов разбор полётов, после реорганизации все с ума сошли. Не удивлюсь, если Белла Андреевна опять изменит своё решение и утвердит мою кандидатуру (такое бывало с ней).

P. S. Пожелай мне поймать букет невесты.

Это уже интересно. Кто мог скрываться за этими строками? Его возлюбленная? Тогда почему в письме фигурирует имя Вера Степанова? Её же зовут Даша Владимировна. И при чём тут Таня? Адам не знал никакой Таню.

Адам взял на заметку: второе письмо противоречило первому. Сначала она написала, что не знает, где он находится, но затем то ли умышленно, то ли без умысла призналась, что приедет к нему в тёплую страну. Кто как не Даша знала о том, что он в тёплой стране, к которой, безусловно, относится Таджикистан. Он ведь сообщил ей в «Одноклассниках» о месте своего нынешнего пребывания.

Короткое время потребовалось Адаму, чтобы написать ответ.

От кого: Адам

Кому: Вера

Тема: Re: Хотя бы напиши, чтоб я тебя не доставала

Даша, привет!!!

Тебя обманули? Ничего, мы это обязательно исправим. Есть только ты и я. Напиши мне свой мобильный московский number. Я позвоню тебе. Соскучился по твоему голосу, сильно-сильно.

Пока, девочка моя...

Его палец потянулся к клавише «delete». Ему захотелось стереть всё, что он настроил, и напечатать незамысловатый вопрос: «А позвольте узнать, кто вы такая?»

Какой-то корочкой мозга он полагал, что ему придётся повозиться с автором писем. Тот, кто скрывается за их строками, не раскроет себя так просто, не стоит этого ждать.

Адам не стал ничего менять в письме и отправил его таинственной незнакомке, которая давно была ему знакома. Он действительно соскучился по ней. Как он умудрялся всё это время жить в разлуке с ней?

● ● ●

Последнее общение с Дашей состоялось через «Одноклассники» три месяца назад, в декабре, и закончилось для него на минорной ноте. Но когда он обнаружил её в этой популярной социальной сети, его радости не было предела. Ему хотелось горы свернуть, когда среди множества незнакомых лиц он увидел до сладостной боли знакомое завораживающее овальное личико в обрамлении густых сказочно-красивых длинных волос. Он видел в ней именно свою девушку, ту, с которой он должен пройти жизненный путь. Оттенок лёгкой грусти в её глазах ещё больше подчёркивал благородность её внешнего облика и заставил его сильнее думать о ней.

Адам уехал из Москвы, чтобы позабыть Дашу, но вновь увидел её лицо, губы, нос, волосы – всё, от чего он был без ума, и вновь подумал: в ней есть тайное, нераскрытое и непознанное им, что манило его к сближению с ней.

С охватившей его неизъяснимой радостью писал он следующее:

Даша, привет!

Это Адам из Таджикистана и Душанбе одновременно. Честно говоря, не ожидал тебя встретить в «Одноклассниках». Наверное, ты тоже не ожидала, что я тебя найду.

Уверен, ты давно не обижаешься на мою выходку, которая произошла в конце ноября прошлого года. Если что-то сделал не так... – прости!

Пользуясь случаем, поздравляю тебя с днём рождения и желаю успехов в твоих начинаниях.

Был бы метеором, то приехал бы в Дипакадемию и подарил бы тебе букет роз, похожих на ту, которая была подарена тебе на 8 Марта этого года и являлась логическим продолжением твоей божественной красоты. Может, сотрём все страхи, упреки и обиды и начнём с чистого листа?

Напиши что-нибудь типа: как дела, что делаешь, не надоели скучные пары?

Пока. Искренне, Адам Иванов.

Адам писал спонтанно. Всё, что у него было на сердце, он, не задумываясь, выражал в каждом слове, в каждой строке. Писал от общего к частному, стараясь с каждым словом незаметно подкрасться к ней и затронуть струны девичьей души.

На первое письмо она не ответила. Он написал второе:

Я соскучился по твоему образу. Помнишь, как я стоял на последнем этаже и ловил тебя взглядом, как ты, ненаглядная, и твоя подружка сводящей с ума походкой направлялись в кафе и выходили из него?.. Это было супер!!! Был смысл учиться в Академии... Я знаю, ты прочитала мой прошлый «мессидж». I know, your heart and look never lie⁶.

Даша, ещё раз повторяюсь, давай начнём с чистого листа. Хочу, чтобы между нами было всё чисто, без всяких грязных сомнений... Я никогда не причиню тебе вреда. Можешь рассчитывать на меня...

Писал он оттого, что не мог позабыть её взгляда, ласкового и нежного, при самой первой их встрече стрелой Амура пронзившего его сердце.

Даша Владимировна:

Dear⁷ Адам, я уж и забыла всё. Я не из злопамятных. Но «начинать» нам нечего. Тем более я не заинтересована в этом. Так что извини. Всего тебе хорошего! Пока!

Адам не сделал ничего такого, за что бы на него таили злобу. Что-то было здесь не так: ей приносило несказанное удовольствие играть с его чувствами. То она нежно прижимала подаренную им розу к груди, то она делала вид, что не знает его. «Если хочешь укротить её высокомерие, притворись на некоторое время подкаблучником, из которого можно вить верёвки, и рыбка обязательно попадётся на крючок. Ну поддайся же ей, не требуй ничего взамен, соглашайся на все её условия, и всё обязательно получится – ты скоро наконец-таки поймаешь свою золотую рыбку», – вторил один из внутренних голосов. Может, подчиниться ей? – и дело с концом, она – с ним и над ним, однако другой внутренний голос вмешивался тут же: «Ни в коем случае не иди у неё на поводу. Веди себя естественно, какой ты есть на самом деле». Эти мысли, точнее, голоса, не давали ему спокойно сосредоточиться.

Адам:

Когда я спускался по лестнице, мы впервые встретились и ты обратила на меня внимание...

Ты интересная девушка. Что было между нами? Ответь как девушка, как психолог. Дай свою точку зрения. В скором времени я собираюсь написать докторскую диссертацию по психологической тематике...

Про докторскую диссертацию Адам, конечно же, пошутил: не собирался он писать её.

⁶ Я знаю, твоё сердце и взгляд никогда не лгут (англ.).

⁷ Дорогой (англ.).

Даша Владимировна:

Слушай, Адам, я на тебя не обращала внимания! Не преувеличивай!!!

У меня серьёзные отношения.

Размышления над фразой «у меня серьёзные отношения» привели его к умозаключению: она видела исключительно серьёзные отношения с мужчиной, как-то, например, выйти замуж за человека своего круга, чтоб был с достатком и относительно высоким положением в обществе. Никакие другие отношения с парнями: всякого рода прогулки, развлечение на одну ночь, дискотеки её не интересовали.

Следующим письмом Адам решил проверить её на прочность, стараясь предугадать её ответ.

Адам:

Даша, я знаю, ты любишь меня и будешь с этим жить до конца своей жизни. Взгляд не обманешь...

Пока, девочка моя. Салют...

Даша Владимировна:

Идиот! Не напишешь ты свою диссертацию!!!

«Горячая штучка», – закусив губу, подумал Адам. Он написал очередное сообщение и смело нажал «отправить», однако оно не дошло до адресата. Даша заблокировала его, внося в «Чёрный список» пользователей.

«Главное – сдерживать страсти, не идти на поводу эмоций, в этом залог успеха. Я должен быть сильным и не поддаваться панике», – думал Адам.

Но внутри у него всё кипело, он был на грани нервного срыва.

Глава 11

Автопарк посольства оставался однообразным и состоял из автомобилей марки «Тойота», если не принимать во внимание державшийся особняком представительский «Мерседес S-Class», на котором передвигался посол, и ужасающий массивностью форм бронированный «Шевроле Субурбан», предназначенный для перевозки дипломатической почты.

Для среднеазиатского города «японец» подходил как нельзя лучше, потому что считался надёжным и практичным автомобилем. Те, кто имел «европейцев», постоянно испытывали с ними проблемы.

Адам водил знакомство с местным автомехаником, русским по национальности, и однажды тот поведал следующее:

– Представляешь, один мой клиент продал «Тойоту» и купил совершенно новый «Туарег». Поездил на «немце» пару месяцев, и машина сдохла: подвеска полетела к чёртовой матери, а движок стал барахлить. Сейчас он ломает голову над тем, кому бы её продать. Запчасти у нас днём с огнём не сыщешь на «европейцев» – заказа будешь ждать полгода. На своём горьком опыте он убедился, что в Душанбе дешевле содержать «японцев». Двигатели этих машин надёжны, не говоря уже о подвеске, – «Тойота» выдержит любую яму...

Несмотря на то что центральные душанбинские дороги были ровные, отремонтированные, без ухабов и рытвин, другие маршруты, пролегавшие через городские окраины, не могли похвастаться такой роскошью. Адам несколько раз становился жертвой препятствий на них, влетал в выбоины, дальше непременно следовал глухой удар днищем, но японская подвеска каждый раз выходила победителем из сложившейся ситуации.

Помимо «немца» в ежедневном пользовании посла находился джип «Тойота Лэнд Крузер».

Советник-посланник и генералы, прикреплённые к посольству от различных российских ведомств, передвигались на «Тойоте Лэнд Крузер Прадо». У каждого было по одному джипу.

Нижестоящие дипломаты делили машину на двоих, что создавало некоторые неудобства для них. Если у дипломата появлялась необходимость отправиться за покупками по магазинам, в ресторан или по другим делам, а «Тойоты Короллы» не оказывалось на стоянке, то либо он вынужден был ждать приезда коллеги, либо пользоваться услугами таксистов.

Адам делил машину с Виктором, его ровесником, занимавшимся вопросами дипломатического протокола.

После окончания престижного МГИМО Виктор отправился в далёкий Душанбе на самую низкую должность референта, думая, что вскоре поднимется по карьерной лестнице. Но вот прошёл год с момента его приезда, а повышения по службе не предвиделось. Маячили лишь тусклые перспективы того, что когда-нибудь его повысят, и всякий раз, когда он ставил этот вопрос перед советником-посланником, тот давал ему ясно понять, что он пока не оброс мясом истинного дипломата и ему придётся ещё немножко потрудиться.

У Виктора были дурные манеры. Когда по этикету надлежало промолчать, он говорил; когда не следовало вмешиваться в чужой разговор, он встревал с комментариями; когда же кому-то требовалась поддержка в трудную минуту, он отпускал неподходящие шутки.

Он портил своим мрачным настроением картину бытия и не верил ни в собственные силы, ни в силы окружающих, живя по принципу «выше себя всё равно не перепрыгнуть».

Виктора нельзя было упрекнуть в том, что он ленился, наоборот, работал за двоих, только вот эффективность его трудовой деятельности сводилась к нулю. Он попадал под шквал критики посла, когда ему не удавалось качественно исполнить работу. В ней частенько находили огрехи. Однажды нужно было подготовить поздравительный текст различного содержания касательно трёх уважаемых гостей посольства; бедняга исписал добрый десяток страниц

и просидел на работе до полуночи, потратив уйму времени на то, чтобы составить документы, но результат его труда не понравился послу, и тот раскритиковал его в пух и прах.

По смелому признанию Виктора, в то время как в других посольских квартирах витали вкусные запахи рыбы и мяса, у него в квартире пахло пылью и нестиранными носками.

По вечерам он, как правило, торчал дома и изредка выезжал в город, поэтому машина целиком и полностью находилась в пользовании Адама.

Сегодня Виктору нужно было ехать к стоматологу – лечить зубы и Адам согласился подождать его в машине.

После работы Адам переоделся в потёртые джинсы и водолазку от *Armani*, купленные в бутике Парвиза. Спустился по лестнице и вышел во двор, шумевший весёлыми голосами детей, которые играли друг с другом.

Было свежо. По небу лениво плыли редкие серые облака, казавшиеся одинокими и грустными, как любящие люди, волею судьбы оказавшиеся за много тысяч километров друг от друга.

Деревянная скамейка у подъезда, к которому примыкали ухоженные клумбы, пустовала, хотя в этот час на ней обычно кто-то да сидел.

– Адам! – раздалось где-то сбоку от него. – Как дела?

Он обернулся вполоборота и увидел пожилую женщину в спортивной куртке с капюшоном, жену электрика. По асфальтовой дорожке вдоль теннисного корта, за которым начиналась детская площадка, она приближалась к нему с каким-то журналом в руке. Каждый раз, когда они встречались, то перебрасывались парой слов.

– Спасибо. У вас как?

– Нормально, вот гуляю потихоньку.

– Хорошего вам времяпрепровождения.

– Ты легко оделся. На улице-то прохладно. Не простудишься? – с материнской заботой в голосе поинтересовалась она.

– Да нет. Я прямо в машину, а из неё опять в здание.

– Езжай-езжай. Дело-то молодое, – залихватски подбодрила она его.

Он прошёл к крытой стоянке, упиравшейся в бетонный забор посольства. Со стороны жилого здания она была обнесена металлической решеткой, вдоль которой зеленел газон с аккуратно подстриженными кустарниками.

Неожиданно с невнятными кличами, которые звучали наперебой и напоминали что-то из рода дикого индейского племени, из кустов выбежали двое ребятишек и повисли на руках Адама.

– Я вождь из племени Чингачгука, – протараторил Серёжка, на голове у которого красовалась разноцветная лента с перьями, как у какого-нибудь героя увлекательных мультиков, не хватало только вигвама.

– Где такой убор раздобыл, Серёжка? – спросил Адам, пробежавшись пальцами по головному наряду мальчика.

– Сам смастерил.

Ребята тянули его за запястья в разные стороны.

– Вы хотите разорвать меня на части? – шутливо произнёс Адам. – Я пока что не резиновый.

– Ты когда с нами поиграешь в футбол? Тебя давно не было на поле.

– Некогда мне, мелюзга. Хватит ко мне приставать, а то я надаю вам по попкам.

– Ну когда, когда поиграешь с нами? – не успокаивались ребятишки, продолжая виснуть у него на руках.

– Хорошо, уговорили, – сдался Адам. – Тягаться всё равно с вами бесполезно: вас двое, а я один. Завтра ровно в восемь вечера будем гонять мячик.

Мальчишки, обрадованные таким решением, отпустили его и побежали резвиться дальше, в сторону песочницы.

Практически все автоместа пустовали: сотрудники разъехались кто куда. Адам подступил к белоснежной «Тойоте», припаркованной напротив пристройки – полутёмной комнатухи, где водители посольства могли часок-другой прикорнуть. Там хранилась различная хозяйственная утварь: гаечные ключи, молотки, вёдра, половые тряпки, покрышки, домкраты и прочая мелочёвка, предназначенная для нужд автомобилей.

«Японец» выехал на просторную квадратную площадку, выложенную тротуарной плиткой и служившую для парковки автомобилей высоких иностранных гостей – послов, советников, военных атташе, международных чиновников. Первые выездные ворота были открыты – свидетельство того, что посла в посольстве нет.

Адам посмотрел в сторону главного здания посольства и затем перевёл взгляд на резиденцию посла – двухэтажный особняк, выкрашенный, как и весь посольский комплекс, в светлые, приятные тона, которые сочетались с зелёными лужайками и разноцветными клумбами, окружавшими территорию российского дипломатического представительства. Из главного здания, едва не срываясь на бег, выскочил Виктор, пересёк металлическую калитку и в два счёта оказался у машины.

– Адам, давай я поведу. Не хочу оказаться в инвалидной коляске. – Угадать, какие нотки в его голосе преобладали – ехидно-оскорбительные или обычные, лишённые какой-либо окраски, – было нелёгким делом.

– Нет проблем, веди. – Адам пересел на соседнее кресло.

Одно время он действительно плохо водил машину: сказывался недостаток соответствующего опыта. Но с тех пор прошло немало времени, и он научился ловко управлять железным конём.

– За тобой заехать? – спросил Адам, когда они подъехали к зданию стоматологии, обычной кирпичной постройке хрущёвского типа.

– Я доберусь своим ходом. Постой, сегодня же вторник, машина находится в моём пользовании.

– Среда, Виктор, среда – машина моя. – Адам подмигнул ему и пересел на водительское сидение. – Могу заехать за тобой, если хочешь.

– Нет, не надо. Я такси возьму.

Тем лучше. Поторапливаемый жаждой поделиться занятной новостью с Сафаром, Адам отправился на встречу с ним.

Он мчался по улице *Сомони*, самой широкой в Душанбе, создававшей иллюзию многомиллионного мегаполиса. Она упиралась в проспект *Рудаки* и напрямую соединяла российское посольство с центром таджикской столицы.

Адам посмотрел на часы: было семь вечера. Движение было оживлённым, и машины ехали в три ряда. Он пронёсся мимо «Кохи Борбад», государственного комплекса, где устраивались выставки продукции мировых производителей и проводились концерты как национальных, так и иностранных певцов. С виду здание напоминало усечённую крепость-пирамиду без окон, призванную, видимо, придать некий оттенок пикантности городу.

По обе стороны улицы открывался великолепный вид на долину, вдоль которой простирались вечнозелёные ели и бурлила речка, сверкавшая в жаркие солнечные дни золотистыми блёстками. Столь красивый пейзаж вряд ли мог оставить равнодушным городского жителя или туриста, а талантливого художника непременно вдохновил бы на создание шедевра.

Адам подкатил к зданию кафе «Диёр», что располагалось на углу улиц *Сомони* и *Рудаки*.

Сафар вышел из ворот Администрации, пересёк проезжую часть. Оказавшись на *Сомони* возле бутика одной известной французской марки, где продавались мужские костюмы,

сорочки, галстуки и обувь, он огляделся, увидел автомобиль Адама и быстрым шагом направился по пешеходному переходу в сторону кафе «Диёр».

Они поприветствовали друг друга.

– У меня для тебя новость! – воскликнул Адам. – Куда поедем?

– Можно в «Стейк Хаус».

– Отличная идея. Давно мы там не были.

«Стейк Хаус», один из самых дорогих и респектабельных ресторанов города, находился у центрального парка, по соседству с грузинским рестораном. Внутри царила атмосфера средневековья, заведение было выдержано в стиле таверны.

Они поднялись по деревянной лестнице и, как обычно, устроились друг против друга на деревянных стульях за деревянным столиком в дальнем углу. В другом конце зала сидели двое убелённых сединами плотно сбитых импозантных итальянца и курили. Адам видел их не первый раз.

– Я так голоден, что готов слопать целого ягненка, – сказал он, листая меню. – Не знаю, как у других, но когда я играю в амурные игры, аппетит у меня просыпается волчий.

Здесь великолепно готовили говяжьи стейки, и любой иностранец в городе, знавший это место, обязательно приходил сюда.

Ребята заказали по стейку средней прожарки, жульену из курицы, варёной кукурузе, овощному салату, свежавыжатому морковному соку и двойному виски «Black Label» со льдом.

– Ты про амурные игры упомянул, – сказал Сафар, в глазах которого промелькнул огонёк живейшего любопытства. – Как на этом поприще обстоят дела?

– Помнишь, я тебе рассказывал о Даше?

– Да, а что?

– Мне кто-то написал несколько сообщений на мой электронный адрес под именем Вера. Сафар достал из деревянной вазочки, лежавшей на столе, зубочистку и сунул в зубы.

Адам поведал содержание писем и о своих предположениях.

– Не знаю, что сказать, брат.

– А тут не надо знать. Надо попробовать выявить автора столь вдохновенных писем.

– Адам, послушай меня. Может, это не Даша. Мало ли кто мог написать. Может, какой-нибудь гомик; может, малолетка, которая мается от безделья; может, ошиблись адресом. Она знала твою электронную почту?

Сердце Адама упало. Он на мгновение задумался и затем воскликнул:

– А как же! Хорошо, что ты задал этот вопрос. Когда на Восьмое марта я положил розу на Дашин стол, я одновременно оставил свою визитку с электронной почтой и номером телефона. Так ты со мной в этом расследовании или нет?

– С тобой конечно. Просто я тебя заранее предупреждаю о возможных вариантах, чтоб потом тебе не было больно.

– Да мне и не будет больно. Ты за кого меня принимаешь?

– Извини, Адам. Не принимай сказанное близко к сердцу.

– Да всё нормально. Просто я хочу до конца разобраться в этой интересной истории, а то меня мучают всякие неясности.

– Ты, видно, сильно её любишь, если не можешь забыть?

– Да, братан. Понимаешь, в ней что-то есть... какая-то сила. И эта сила притягивает меня как магнит.

– Она играет с тобой, играет с твоими чувствами. – Сафар подался вперёд, и в глазах его сверкнул хищнический блеск. – Такая игра опасна.

Её дразнящие губы, шелковистые пряди волос манили его познать неизведанное, а всякое неизведанное может таить в себе опасность.

– Почему?

– Потому, – Сафар выдержал паузу, которая показалась Адаму вечностью, пристально смотря ему в глаза, – что игра с чувствами может нанести непоправимый вред человеческой психике.

– Но только не моей, – спокойно промолвил Адам, несогласно помахав головой и положив кусочек аппетитного стейка с поджаренной корочкой себе в рот.

– Смотри, брат, не перехитри самого себя в этой игре, – предостерёг Сафар, нацепив вилкой кусочек стейка. – А давай я приеду в Москву и с ней поговорю. Как тебе идея?

– Это лишнее с твоей стороны.

– Могу поговорить с ней. – Сафар с такой охотой набросился на стейк, что, казалось, длительное время воздерживался от мяса. – Вдруг я ей понравлюсь? – Его разобрал смех.

Адам угрожающе, зубцами, направил на него вилку.

– Не трогай её, – злобно буркнул он. – Вряд ли она остановит выбор на тебе, друг мой.

– Видишь, как ты реагируешь. – Сафар положил вилку на тарелку и салфеткой вытер жирные губы. – Я всего лишь пошутил, а ты, как выражаются в России, воспринял мою шутку в штыки. Значит, ты пока не полностью контролируешь свои эмоции.

– В нашем разговоре это не имеет никакого значения. Мы друзья, и я могу дать волю чувствам.

– Так выпьем за наших девушек! – Голос Сафара прогремел на весь зал.

– За них любимых, – с охотой согласился Адам, и приятный звон стаканов разлетелся в пространстве.

– Видишь тех двоих итальянцев? – в некой задумчивости произнёс Адам.

Те в сигаретном дыму неторопливо разделявали стейки и общались.

– У них там тоже дефицит рабочих мест. Как-то раз я приехал с отцом в Геную, морской порт. Пока заправляли наш туристический автобус, мы зашли в забегаловку. Я прошёл в туалет. Итальянский шупленький парнишка драил усердно писсуар. Он боялся того, что если сделает работу насмарку, то его вышвырнут, а другую работу, по словам гида, показывавшего нам город, найти там очень непросто.

– Кто-то это должен делать. Сегодня он работает чистильщиком туалета, а завтра – менеджером в компании.

Наступило молчание. Каждый думал о своём.

Адам первым нарушил тишину и вернулся к теме основного разговора.

– Однажды я спросил у сокурсника о Даше. Мне захотелось узнать его мнение о ней. Он не знал, что она мне нравится. Ну и ляпнул он, что одевается она безвкусно.

– И какова была твоя реакция?

– Я захотел ему врезать. Она одевалась хорошо, но были дни, когда она одевалась так, что мне тоже не нравилось. Отчасти я был согласен с ним.

– Ты ему врезал?

– Нет. Я подумал: зачем? Он же не оскорбил её. Я стал расспрашивать о ней.

– И что он тебе ещё рассказал?

– Ничего особенного, только сказал, что слышал, как она в библиотеке с упоением рассказывала одной из своих подруг о покупке автомобиля. По его словам, она таким тоном и в таких деталях расписывала авто, словно эта вещь на колёсах была для неё единственным счастьем и радостью в жизни и её больше ничего не интересовало.

– Ты говорил, что она добавила тебя в «Чёрный список» в «Одноклассниках»?

– Ага.

– Она к тебе заглядывала на страничку после этого?

Адам в ностальгии закусил губу.

– Хороший вопрос. Она заходила ровно через неделю ко мне после внесения в этот недружественный список. Я был несказанно рад, приговаривая: «Белка заглянула в логово к волку».

– И что волк предпринял?

Адам горько вздохнул.

– На то она и белочка – её так просто не поймать. Она юрко прыг-прыг на мою страничку в моё отсутствие и ускользнула. А я что? Я раз сто в тот день кликнул «мышкой», чтобы отправить ей сообщение, но оно по понятным причинам не отправлялось. Как только «мышка» вынесла то напряжение, что я ей доставил: я лихорадочно нажимал и нажимал на неё, вдавливая с силой кнопку, будто винил «мышку» за все свои беды. «Мышка» осталась целой, а я вот на бобах. Я был слишком возбуждён и старался объясниться Даше в любви, насочинив такое, что не придёт в голову в обычном состоянии. Но все мои объяснения остались в моей голове.

– Ну ты даёшь, брат.

– Я сначала думал, что на десятый раз её страничка разблокирует меня и моё сообщение отправится, но безуспешно, затем – на двадцатый раз, и тоже промах. Думал – на сотый раз, но не тут-то было. В конце всех моих тщетных попыток пробиться к ней в личное окошко я чувствовал себя уже не волком, а раненой, побитой любовью птицей.

Сафар весело хлопнул в ладоши.

– Красавчик!

– Думаешь?..

– Она думает о тебе, – не дав досказать Адаму, вставил Сафар. – Вот и заглянула на твою страничку.

Адаму пришла по вкусу эта мысль.

– Может, она зашла ко мне по ошибке?

– Вряд ли – так не ошибаются. – Этим высказыванием Сафар заметно поднял настроение своему другу.

Картинка на плоском экране висевшего на стене телевизора отображала мелькавшее то там, то сям лицо Энрике Иглесиаса, исполнявшего один из своих хитов. Адам и Сафар, очарованные его мелодичным голосом, доставшимся от не менее известного отца, уставились на экран, однако глаза их, полные жизни, думали совсем об ином: они что-то планировали, замыслили, искали.

Глава 12

В бытность слушателем Дипломатической академии Адам вёл праздный образ жизни, если не считать его упорных занятий английским языком. Он был погружён с головой в его изучение. Ему нравился этот язык своей простотой. После немецкого (который он изучал в школе), где куча всяких грамматических наворотов, отделяемых и неотделяемых глагольных приставок и других прибаамбасов, английский давался ему намного легче.

Академия давно перестала быть заведением для дипломатов. Сюда приходили за знаниями те, кто был далёк от дипломатии: сыновья и дочери обеспеченных пап и мам, которым расстаться с суммами от пяти до десяти тысяч долларов за год обучения было не жалко. Здесь обучались отпрыски судей, высокопоставленных правительственных чиновников, крупных бизнесменов – одним словом, бомонд.

Когда Адам впервые очутился в стенах Академии, ему казалось, будто он попал в волшебный мир. Вроде бы обычные стены, обычная атмосфера, ничего особенного. Трудно объяснить, почему ему казалось, что он в волшебном мире: может, потому, что здесь отсутствовала студенческая суета; может, оттого, что веяло духом международной дипломатии, мировой политики; может, по какой-то иной причине. Однако скоро сказка превратилась в рутину с повседневными отношениями между преподавателями и слушателями, подобно тому как медовый месяц молодожёнов рано или поздно заканчивается и начинается совместная жизнь отнюдь не медового характера. Возможно, в некоторых семьях медовый месяц продолжается всю жизнь. Но в эту сказку Адам не верил, несмотря на то что мечтал создать её для своей девушки. Как добиться этого? Тут-то Адам в своих размышлениях приходил в тупик. Ну ничего, он обязательно сделает так, чтоб его избранница была счастлива и ни на минуту бы не сожалела о том, что вышла за него замуж. Он преподнесёт мир к её ногам, отдаст себя в жертву – лишь бы она была счастлива.

Как быть с семьёй? Мужчина находит женщину, женщина – мужчину, но оба не самодостаточны. Муж перелагает ответственность на жену, жена – на мужа. Вот и вся современная семья. Такой семьи Адам избегал.

Одна замужняя абхазка, с которой он дружил в Академии, рассказывала о своей семейной жизни следующее:

– Когда я встретила своего будущего мужа, то мы так полюбили друг друга, что ты просто не представляешь. Мы наслаждались друг другом каждый день. Каждую неделю он дарил мне цветы, мы ходили в рестораны. Прошло два года, и чувства притупились, стали не такими как раньше. У нас обычная скучная жизнь: я знаю его как облупленного, он – меня; никакой тайны, никакой интриги во взаимоотношениях; каждое утро я встаю и знаю, что должна сделать завтрак, отправить сынишку в детский сад, потом поехать в Академию на учёбу, вечером забрать ребёнка из детского сада и приготовить ужин – словом, одно и то же, никакого разнообразия. В выходные уезжаем за город отдохнуть от Москвы. Остались воспоминания о нашей страстной любви, а так хочется, чтоб она продолжалась вечно.

Чем занимался Адам помимо изучения английского языка? Да больше ничем. И таких молодых людей, как он, модно одетых и особо не обременённых жизнью, которые вставали, когда хотели, пропускали занятия или не появлялись в Академии неделями, на курсе было предостаточно.

На переменах они обычно сидели в кафе Академии или собирались стоя в кружок и обсуждали разные светские темы. Кто-то хвалился тем, что ему посчастливилось закупить партию фирменных рубашек по дешёвке и перепродать их дороже; кто-то – тем, что посмотрел в кинотеатре новый блокбастер с участием голливудских звёзд; кто-то – тем, что не прогадал, сделав солидную ставку на любимую футбольную команду в букмекерской конторе. Кто-

то жаловался на то, что не сумел пройти очередное собеседование в крупной компании – и не столько по той причине, что он глуп, а по той, что он должным образом не подготовился из-за своей лени, и что только на собеседовании ему пришла идея в голову: а не рановато ли связывать себя нудными узами карьеры, когда нужно вставать рано утром, быть в чётко установленное время на рабочем месте и ежедневно засиживаться в офисе допоздна. Были и те, кто приезжал в Академию, чтобы покрасоваться, продемонстрировать очередное платье от известного дизайнера или показать новую иномарку.

Постоянно ощущалась нехватка денег у Адама и у ребят, с которыми он проводил время. Однако на новые модные вещи, чай и стейки они чудесным образом находились. Если «мани» не было у Адама, то всех угощал Гоша, если же у Гоши не находилось монеты, то выручал Матвей, если же Матвей был на нулях, то заветная сумма находилась у Антона, если же у Антона финансы пели романсы, то на подмогу приходил Сергей – и так по круговой цепочке. Так и жили – в общем-то, не тужили. Станным свойством обладают «мани», волшебным появляясь в том или ином кармане.

Проходил день за днём, пока для Адама не наступил день, когда его сердце стало биться по-другому.

Лучи ласкового майского солнца пробивались в окна аудитории и рисовали на деревянных столешницах картину светлого, наполненного яркими красками дня. Погода стояла великолепная, соблазняя слушателей откинуть подальше тетрадки с учебниками и весёлой компанией отправиться в близлежащий лесопарк на пикник.

Несмотря на всё великолепие последнего месяца весны, Адам, одетый в чёрные брюки и такого же цвета водолазку, сидел за партой с отсутствующим выражением лица, погрузившись куда-то очень далеко в себя, в самые глубинные места подсознательного. Он не внимал умным речам пожилого профессора, который отличался умением пофилософствовать на тему традиций древних народов. В тот момент, возможно, не только один Адам пребывал в таком состоянии. У него не было ни чувств, ни эмоций – словом, ничего того, что свидетельствовало бы о нём как о полноценно здравствовавшем человеке, – только тупое забытьё с жалким подобием мыслей, которые слились в сплошной водоворот, размывавший границы реального и нереального. Чья-то рука коснулась его плеча, выдернув его из потустороннего мира. То была рука сокурсника, который дал понять, что лекция закончилась и пора переходить в другую аудиторию. Неужели Адам просидел целую пару в абстракции?

Он взял тетрадь со стола, положил её в рюкзак и вялой походкой побрёл к выходу.

Лестничные ступеньки. Сколько раз он поднимался и спускался по ним? Пока он спускался на первый этаж, его взгляд блуждал то по стенам Академии, то по фигурам слушателей и преподавателей. «Люди как люди, – думал Адам. – Но сегодня на меня нашли тучи. Мир кажется мне таким же серым и бездушным, как эти ступеньки». Он машинально опустил голову, чтобы разглядеть в них хотя бы малейший признак жизни. Осознавая, что сделать этого не удастся, он отказался от столь фантастического занятия.

И вдруг глаза его осветила вспышка яркого света. На Адама глядела незнакомка. Она смотрела на него так, как смотрит любящая мать на своё дитя. Ему показалось, что в него вошёл луч света, согревший всё его существо и вселивший страсть к познанию неизведанного.

Девушка была красива и статна, но что-то внутри настойчиво подсказывало Адаму, чтоб он прошёл мимо неё и не вспоминал больше о ней. Стройная и довольно-таки высокая, с длинными вьющимися волосами тёмно-каштанового цвета, обрамлявшими необыкновенной красоты лицо, она была одета в тёмно-синие джинсы, которые сильнее подчёркивали стройность её длинных ног, и чёрную водолазку точь-в-точь как у Адама.

Взгляд её был наполнен магнетическим волшебством. В её глазах Адам увидел отражение себя, отражение их двоих и судьбу, поделённую Богом на двоих, их жизненный путь, который они когда-то прошли и который им предстоит пройти вместе, совместные радости и невзгоды, смех и плач. Она словно подмигивала ему и одарила его обворожительной улыбкой, в которой была заключена только известная Богу тайна, так стремительно пленившая его, что он во что бы то ни стало захотел найти ключик к её разгадке.

Незнакомка зашла в кафе, а Адам, тотчас оживившийся, несмотря на предостерегавшие подсказки внутреннего голоса, в свою очередь, решил подкараулить её и завести знакомство. Откуда она появилась? Ведь раньше он никогда её не видел. Через некоторое время она вышла, но не одна, а в сопровождении не менее очаровательной девушки, однако несколько не зацепившей его сердце.

И вновь его сердце прибавило в ритме при виде незнакомки. Мелкими шажками он последовал за ними, стараясь, чтоб девушки не заметили его преследования. Они стали спускаться в гардероб, и Адам осторожно подступил к перилам, провожая взглядом их бесподобные фигуры. Неожиданно она повернула свою милую головку, словно догадывалась или знала наверняка, что он украдкой смотрит на неё, и её глаза снова встретились с его глазами. Он бы за взгляд её отдал всё, что у него имелось: такие добрые глаза смотрели на него, такие чистые, которые он никогда в своей жизни не видел. Прошли какие-то секунды с момента их встречи глазами, и Адам, не желая выдавать своей заинтересованности в незнакомке, насколько позволяла ему реакция, отвёл взгляд первым.

Но было поздно.

Он попал в её сети.

Она знала это.

1:0 в её пользу.

Наступил сентябрь. Адам приехал из Сочи отдохнувшим, окрепшим и загоревшим. Поприветствовал однокурсников, с которыми не виделся два месяца. Обнялся с Гошей, Матвеем, Антоном и Сергеем, которые в пятый день сентября не поленились и дружно приехали в Академию. На большой перемене они поднялись на третий этаж, где располагался бар, вошли в него и встали за столиком, что стоял у самого входа напротив ступенек. Внутри, благодаря мягкому свету, лившемуся из настенных светильников, чувствовался комфорт, который давал возможность слушателям расслабиться после семинара или лекции. Сегодня угощал Сергей, он взял на пятерых по бутылочке минеральной газированной воды. Всех мучила жажда: выдался жаркий солнечный день.

Под конец перемены слушатели стали подниматься со своих мест за столиками и потихоньку тянуться к выходу, проходя мимо Адама и ребят.

Неожиданно его внимание привлёк образ той самой незнакомки, которую он повстречал в мае. Едва не коснувшись его запястья, она спустилась по ступенькам вслед за какой-то девушкой и скрылась в коридорах Академии. Вновь она завладела его думами.

На следующий день (солнечный и тёплый, как предыдущий) Адам вышел из метро и поторопился в Академию, рядом с которой парковался задом чёрный джип «Лэнд Ровер Дискавери». Обыкновенная машина, ничем не выделявшаяся из потока аналогичных автомобилей, которые сновали по московским улицам. Адам прошёл мимо «англичанина» и обернулся в тот момент, когда *она* грациозно выпрыгивала из него. Да, это была снова она, его незнакомка, которая стала давно знакомой. Он хотел было остановиться и подождать, пока девушка не поравняется с ним, чтоб завязать с ней полноценное знакомство. Но решил не торо-

пить события и прошёл в здание Академии таким же быстрым шагом, которым направлялся из метро.

Войдя внутрь и не увидев в Академии ни души, он мигом переменял свои планы и остановился на первом этаже, чтоб дождаться её и всё-таки познакомиться.

Но тут же пришедшая в голову новая мысль настойчиво посоветовала не ждать её, а поспешить на пару, тем более речь шла не о каком-то предмете, а об английском языке, занятии которым Адам старался не пропускать. И он, сопротивляясь желанию погрузиться в мир, сотканый незнакомкой из пелены таинственности, стал подниматься вверх.

Вдруг тишину нарушили весёлые девичьи голоса, принадлежавшие трём девушкам, среди которых была она, одетая в короткую юбку и обутая в шлёпанцы, в которых обычно ходят загорать на пляж. Они, смеясь и щебеча о чём-то своём женском, опередили его, и волна магнетизма, изошедшая от неё, охватила его. Взгляд Адама был устремлён на её ноги, незащищённые, как в прошлые разы, когда он видел её в джинсах. У него проснулось желание изучать их, словно ему были в диковинку обнажённые женские ноги.

Отчего-то Адаму перехотелось идти на английский язык. Неизвестный ранее тайный голосок изнутри шепнул ему: «Подойди-ка к ней и скажи: какая она красивая. Она растает и впустит тебя в роскошный салон своего „Дискавери“, и вы будете кататься по гламурной Москве. Это ведь так романтично...»

Исколотый разношёрстными мыслями, то покидавшими его бедную голову, то снова возвращавшимися, он поднялся на третий этаж, где встретил старого знакомого из российского внешнеполитического ведомства. Оказалось, что тот поступил на первый курс «Мировой экономики».

Увидев трёх девушек, знакомый поприветствовал их.

– Ты их знаешь? – поинтересовался Адам, чувствуя, что она тайком пробежалась по нему взглядом.

– Знаю, они все из моего потока, – прокомментировал знакомый, когда девушки стали спускаться по лестнице. – Строгий дядька-препод... Я опоздал всего лишь на пять минут, и меня он не пустил. Они пришли позже меня, и я не удивлюсь, если он на повышенных тонах выставил их за дверь. Да ладно, фиг с этой парой. Пойдём лучше в кафе. Поболтаем.

Они заказали по зелёному чаю. Приятель начал рассказывать о том, как ему надоело протирать штаны на МИДовских стульях, делая изо дня в день, по сути, одну и ту же, пускай и непыльную работу, и оттого он загорелся желанием вспомнить свои учебные годы и подышать свободным студенческим воздухом. Правда, в Академии студенты назывались слушателями.

– Когда надоест что-то делать, нужно лавировать, лавировать, – активно жестикулируя, повествовал он, – и менять сферу занятий.

Адам старался улавливать то, что говорил приятель, и одновременно наблюдать боковым зрением за группой слушателей из шести человек, разместившихся за столом неподалёку, среди которых была она. Как только он вошёл в кафе, то почувствовал на себе её взгляд. Он не придумывал: она действительно мельком пробежалась глазами по нему. Адам, словно опытный разведчик, не упустил ни малейшей детали – она была заинтересована им.

Она встала и подошла к буфетной стойке, рядом с которой сидел Адам с приятелем.

– Привет, Даша. Как жизнь молодая? – поинтересовался приятель.

Теперь Адам знал, как её зовут.

Она обернулась вполоборота, на миг встретившись своими волшебными глазами с глазами Адама, и ответила необычайно женственным голосом, который он уже бы никогда не спутал ни с каким другим и который впервые отчётливо услышал и пропустил через всё своё естество: – Спасибо. Всё хорошо.

В следующий момент Адам услышал, как она сказала: «Мне чай, пожалуйста», и её голос в ту же секунду будоражащим эхом отозвался в его сознании.

Часы с кожаным ремешком элегантно смотрелись на её тонкой дворянской кисти. Он не встречал девушек с такими часами. Он не был экспертом по части часов, но ему казалось, что они не подделка, а настоящие, довольно дорогие, приобретённые, быть может, в самой Швейцарии.

Она сидела к нему боком. Адам наблюдал, как она берёт фарфоровую чашку, подносит к губам, ставит её на стол. В её чётких, отлаженных движениях прослеживалось умение вести себя за столом, словно она всю свою жизнь оттачивала навыки на уроках этикета «как правильно брать столовый прибор и класть его на стол». Может, Адаму стоит у неё поучиться? А может, он слишком превозносит её? Не рановато ли? Кто она ему?

Прошло какое-то время, прежде чем группа опоздавших на пару слушателей дружно поднялась и засеменила к выходу. Адам и его знакомый последовали за ними. Группа слушателей свернула на второй этаж и зашагала по ковровой дорожке, скорее всего, ознакомиться с расписанием занятий, которое с периодичностью в каждую неделю-две вывешивалось на всеобщей доске обозрения, рядом с деканатом. Адам с приятелем поднялся на третий этаж.

У лифта, возле лестницы, они остановились, и знакомый начал увлекательный для него самого и утомительный для Адама рассказ о том, чем он занимался в свою первую заграничную командировку в посольстве.

Группа слушателей тем временем также поднялась на третий этаж и прошла в сторону компьютерного класса, который наряду с кафе считался местом проведения времени для опоздавших или не пожелавших пойти на занятия слушателей.

Адам проводил Дашу боковым зрением, вновь и вновь оценивая её ноги. Всё-таки в ней было что-то, что неодолимо притягивало его к ней.

Неожиданно она вышла из компьютерного класса, в руке у неё был мобильный телефон, кнопки которого она нажимала. Сначала Адаму показалось, что она собирается свернуть и пойти в другой конец зала, но нет! – она направилась именно в их сторону.

Его приятель не удержался и вновь спросил у неё какую-то ерунду. Адам был настолько увлечён ею, что не услышал вопроса.

Теперь с новой силой раздумья заиграли в голове Адама. Она была близко, очень близко от него, – удобный момент познакомиться, когда никто не мешает. Про приятеля Адам и вовсе забыл, как будто его не было рядом. Он посмотрел ей в глаза, не смея отвести взгляд первым, она же смутилась – и опустила их.

Ответив что-то, она обернулась и стала медленно, как-то нехотя спускаться вниз.

«Если не сейчас, то больше никогда. Давай действуй! Что стоишь как пень? Хватит тянуть резину!» – лихорадочно твердила одна из мыслей Адама.

И он стал действовать, бодро окликнув её:

– Девушка, меня зовут Адам, если что!..

Она дрогнула. Повернулась, и Адам без промедления сделал к ней навстречу шаг, а она к нему больше – поднявшись аж на три ступеньки, что стало для него неожиданностью.

1:1? Счёт сравнялся! Адам торжествовал.

– Очень приятно, а меня Даша, – охотно отозвалась она с милой улыбкой, обратив взгляд красивых глаз на него.

Как же она умеет общаться! Она великолепно знакомится. Адам возжелал, чтоб все девушки так вдохновенно знакомились с парнями. У неё всё-таки восхитительный голос. Да, определённо, он хотел слышать и слушать его всегда и везде! Голос, заслуживавший самой высокой оценки, её фирменное «я», её брэнд. Да, именно брэнд! Адам запатентовал бы его за владелицей, если бы была такая возможность, и тщательно следил бы за тем, чтоб никто не воспроизвёл его без согласия законной правообладательницы.

Адам задал пару вопросов. Она с готовностью ответила. Он чувствовал: она волнуется. Несмотря на то что он волновался не менее её, вёл он себя с ней убедительно, во всяком случае,

голос у него не сбивался на невнятные, дрожащие нотки, и он смотрел ей в глаза, но не с любопытством и не с пристрастием, чтоб не выдать ей тех бурных чувств, которые охватили его.

Наконец-то свершилось их первое знакомство, которое, говоря дипломатическим языком, происходило в атмосфере дружбы и взаимопонимания.

– Будем общаться, – вдогонку бросил он после того, как она сообщила, что вынуждена прервать их разговор и срочно дозвониться до родителей.

Она повернулась, чётко ответив с лучезарной улыбкой:

– Да, конечно.

Когда Адам возвратился к разговору с приятелем, тот поздравил его, отметив, что он на высоте провёл беседу с Дашей.

В течение дня он случайно пересёкся с ней на лестнице: она спускалась, а он поднимался, почувствовав от неё очередную волну сладкого притяжения, – так близко они поравнялись, едва не коснувшись руками друг друга.

Он начал посещать Академию с главной целью – взглянуть на Дашу, полюбоваться её новым одеянием и посмотреть на всё то, что было так или иначе связано с ней. Он просыпался под голос известного в узких кругах певца с южных российских окраин, задушевно певшего о том, что нашёл свою любимую и не хочет её терять, и новый день начинался с томительного ожидания встречи с Дашей.

Адам стоял в кругу однокурсников, принимая участие в дискуссии о том, какой из преподавателей увлекательно читает лекции и какой предмет пользуется самой большой популярностью среди слушателей.

Даша спускалась по лестнице. Она была одета в строгие брюки и коричневый жакет, что придавало ей образ сильной деловой женщины, способной вынести любые испытания.

С момента их знакомства прошла целая неделя, в течение которой они не сказали друг другу ни слова, – неделя, казавшаяся Адаму вечностью.

Какое чудо! – «рыбка» подплыла к нему, прижав мобильный к уху. Не дозвонившись, она спрятала телефон в сумочку. Выставив ногу вперёд и скрестив руки, Даша стала скучать одна-одинёшенька.

Он уверенно подступил к ней; правая рука его покоилась в кармане джинсов.

– Привет, Даша. Как дела?

– Ой, привет, – проворковала она так, будто его появление стало для неё удивлением, – нормально. Вот наступают выходные.

Она взяла телефон из сумочки и вновь приложила его к уху, сделав вид занятой бизнес-леди.

Адам набрался смелости и сделал ей замечание, которое твёрдым голосом вылетело наружу:

– Вы все такие – любите ни о чём поговорить по телефону.

– Я не такая, – ответила она таким же твёрдым голосом, убирая трубку от уха. – Я не как все девушки. – В её голосе прозвучали нотки лёгкой обиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.